

Содержание:

- Они уже здесь
- Случай из разгара Средневековья
- Рок-музыка (триптих)
- Война (написано при содействии О.Гущина)

Дмитрий Стрешнев

ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ

1.

Григорий Вылупаев не любил это место между заборами: ни фонаря, ни дороги путной. Летом еще туда-сюда, а осенью - противно, грязно, и поди пойми - не подстерегает ли кто-нибудь в темноте с гантелью в рукаве?..

Поэтому он почти не удивился, когда вдруг увидел как будто бы грузного человека, лежащего навзничь. Вот так - просто шел и увидел... И еще - вроде как нацеленный на него длинный ствол. Подумал: Вот не везет! Бандит! - и услышал голос с пневматическим каким-то акцентом:

--Яхх... не бандитхх... Помогихх...

--Знаешь, друг, извини, сильно тороплюсь,-сказал Григорий, на всякий случай оглядевшись. Очень надо попадать в их разборки! Своих проблем хватает: в гараже, к примеру, крыша потекла.-Я сейчас милицию вызову...

--Не на... ххх...-засипел тот, даже не засипел, а захрипел.-Я тебе денег дамхх...

Попробуй тут устоять, когда зарплату на заводе третий месяц не платят!

--Денег?-еще раз огляделся Григорий.-Ну ладно, сейчас...

Спрятал кепку в карман.

--Ты пистолет-то убери.

Похожее на ствол пропало.

Вылупаев вцепился в грузное тело.

«Рыхлый какой! И тяжелый, зараза...»

--Где у тебя воротник-то? Я бы за него...

--Нету.. ххх...

Придумали одежонку, твою мать! Даже воротника нет!

Покумекал.

--Ты лежи, я сейчас за тележкой в гараж сбегаю.

--Давайхх...

По дороге Григорий размышлял: может все-таки сдать этого рыхлого, куда надо? Сипит он сильно, наверное - простреленный весь. Еще помрет - как объяснишь?.. Да и есть ли деньги у него?

Весь в этих сомнениях пришел обратно с тележкой, втайне надеясь, что найденный исчез. Но тот лежал.

--Вот, тележку пригнал,-сказал Григорий голосом, изменившимся от опасения быть обманутым.-Сейчас в гараж тебя отвезу. Машину все равно давно продал... уже и забыл, как те деньги выглядели...Слышь-ка, а вот как раз насчет денег ты что-то говорил...

--В гараже дамхх...

--А, ну ладно,-тут же повеселел Григорий, и прежний голос к нему вернулся.-Сейчас мы тебя погрузим.

Подкатил тележку и засомневался:

--Эх, как же мы тебя закатим?

--Ничего. Я помогухх...

И действительно, стал карабкаться, толкаться - и легко взвалили его на тележку.

А вот катить было нелегко.

--Видишь, какой я хозяйственный!-объяснял Вылупаев, отдуваясь.-Не будь у меня тележки, разве я бы тебя дотащил?

Тот, на тележке, сипел, будто поддакивал: «Х-х... Х-Х...»

Хорошо, что было уже поздно, никто не встретился. Да и погода не такая, чтобы променады делать или пиво в сквере сосать. Григорий про себя умолял, чтобы собачники не попались, они, падлы, в любую погоду шастают.

«Надо было мешковину прихватить - прикрыть голубчика».

Тот как будто прочитал эти мысли - лежал тихо, прямо нет его.

Обошлось, ни одной собаки не повстречали.

Вылупаев закатил тележку в гаражную темноту, которая была еще чернее ночной, и захлопнул спевшую железным голосом створку.

--Сейчас лампочку зажгу, она у меня тут на аккумулятор посажена...

Включил, посмотрел на тележку и подумал сначала, что просто в глазах сместилось - от натуги и от переживаний. Но присмотрелся и понял - ёшкин кот! - глаза все правильно видят.

--Ты что - из этих?..

Слава богу, в кино столько уже всего насмотрелся - а то можно было от неожиданности запросто обделаться.

--Из этиххх... Ты не пугайся. Вот деньгихх...

Какой-то отросток держал несколько сотенных.

Вылупаев с внутренней дрожью протянул руку, но ощутив в пальцах бумажки, приободрился.

--Да чего там! Я интернационалист... (совсем взбодрился) Даже можно сказать: демократ!.. Кто это тебя отделал? Наши или ваши?

--Что значит: наши-ваши?

--Ну... такие, вроде меня, или такие, как ты?

--Не помнюхх...

--Понимаю... Сзади, что ли, напали?

--Напали... ххх...-скорбно согласился найденыш.

--Понимаю,-снова сказал ничего не понявший Вылупаев.-Может полечить тебя как-то?

--Не надо. Мне просто полежатьхх...

--Понимаю,-в третий раз сказал Григорий.

«Надо бы деньги повнимательней рассмотреть. Может там все цифры - шиворот-навыворот?»

--Ну что ж, отдыхай тогда. А я пошел,-сказал он (очень хотелось деньги рассмотреть).

--Ладнохх...

«А ведь ему жрать надо что-то»,-подумал Григорий.

--Утром поесть тебе принесу. Ты что больше уважаешь - рыбное или мясное? Или ты нашего не ешь?

--Мясноехх...

Жене Григорий ничего не сказал. Хотел сначала проверить: вдруг деньги неправильные? Утром ждал, пока она уйдет на работу в свой трамвайный парк (надо ведь уроду в гараж поесть оттащить), а та удивлялась:

--Ты чего валяешься? А завод?

--Да ну его в баню! Все равно денег не платят.

--Смотри: не прокидайся! Я тебя кормить не собираюсь! (вздохнула) Все равно не прокормлю...

Когда она ушла, Вылупаев собрал кастрюльки, поставил в сумку и понес в гараж. По дороге зашел в магазин - проверить деньги. Купил банку дорогого импортного пива и сухарики. Никаких сомнений предъявленные к оплате сто рублей не вызвали. Ну, да это ничего не значит. Наши олухи любую липу примут, хоть на бумажке в клеточку нарисуй.

Достигнув гаража и сняв замок, Григорий оставил

створку приоткрытой, чтобы не зажигать лампочку зря.

В разбавленном утреннем свете жилец выглядел совсем противно: жук - не жук... квашня какая-то с отростками.

--Н... ну, как спал?-выдавил Вылупаев насколько мог приветливо.

--Хорошоох...

--Так на тележке и лежал? Не жестко?

--Нетхх...

--А я вот сообразил тебе тут поесть... Как, кстати, тебя у вас-то зовут?

--Шсшихх.

--Шс... Нет, не смогу. Буду звать тебя Гошей. Был у меня хороший друг. Именем друга тебя назвал, чуешь?

Шсшихх молчал, расшифровывая. Потом сказал:

--Чуешь - это: понимаешь?

--Ну да. Башковитый ты парень, как я погляжу.

Стал доставать кастрюльки и ставить их перед уродским Гошей. Тот грустно съежился.

--Это не емхх...

--Может, тебе мяса сырого? И примус - сам приготовишь?

Жилец оживился:

--Давайхх!

Григорий сбегал - принес фарш.

Тот обнюхал его отростками:

--Старое...

--Ты что! Самое свежее!

--А где кровь?

--Хочешь - бифштекс с кровью зажарю?

--Зажарю - не надохх...

--Значит, примус не нужен?-спросил Вылупаев.

--Не нуженхх...

Тут Григорий обнаружил, что фарш исчез.

--Ты что это - прямо так фарш умял? Сырой? Неужели вкусно?

--Не оченьхх...

--Плохо с него не будет?

--Не должнохх...

В общем, худо-бедно с кормежкой наладилось. Григорий приносил мясо из магазина самое свежее. Шсшихх брезгливо обнюхивал, но ел.

Вылупаев ходил в гараж попозже, чтобы из соседних боксов кто-нибудь случайно не приволокся. Народ у нас очень общительный: обязательно надо всех вокруг обойти, рассказать, как педаль провалилась, и прохудившийся манжет каждому в нос сунуть. Ночью никто с рассказами или, скажем, с просьбами насчет ключа номер семнадцать не лез. Но теперь случалось сталкиваться в подъезде со старухой Гвоздичевой, которая как раз возвращалась после того, как консьержила в богатом доме по соседству.

--Куда это ты, Гриша, в ночь-полночь?

Пришлось отбрехиваться:

--У тебя своя работа, старая, у меня своя.

Та смеялась:

--Воровать что ли ходишь?

Разговор со старухой навел на мысль.

--Знаешь,-сказал он Шсшихху,-я из-за тебя, между прочим, на работу хожу кое-как... даже можно сказать: совсем не хожу. Значит, денег мне теперь не платят. Усекаешь?

--Хх...-отозвался Шсшихх.

«Усекает»,-понял Григорий.

--Питать тебя, опять же, надо. Думаешь, на это мало денег уходит?

--Хх...-опять согласился Шсшихх.

--Вот и предлагаю,-перешел Вылупаев к делу.-Пока не поправишься - буду тебя обхаживать, будто ты меня нанял. А работа - пес с ней. А?-и - не успел Шсшихх ответить, как Вылупаев уже не выдержал - сказал главное:-А зарплату мне будешь ты платить. Вместо завода.

Шсшихх молчал. Потом спросил:

--Какуюхх?..

--Как на заводе,-сказал Григорий и слукавил:-Сорок тыщ.

Шсшихх опять помолчал. Потом:

--Ладнохх...

«А денег у него хватит?»-подумал Вылупаев, и было открыл рот, чтобы спросить, но Шсшихх опередил:

--Хватитхх...

Григорию стало не по себе от такой догадливости, но десять тысяч закрутились в голове и снова взбодрили.

--Получать буду каждую неделю. Идет?

--Идетхх...

Теперь Вылупаев часто сталкивался ночами со старухой Гвоздичевой.

--Куда это так поздно?-каждый раз спрашивала та с любопытством, понемногу, правда, слабеющим, а Григорий заученно отвечал:

--Такая работа! (стало уже как ритуал)

Жена была уверена, что он устроился сторожем в богатый магазин, тем более, что зарплату приносил исправно.

Деньги Шсшихх всегда доставал из одного места. Постепенно Григорий присмотрелся к жильцу и уже знал: какие отростки были вроде как руки и какой силой обладали; догадался, что четыре желтые полосочки -

глаза.

У Шсшихха был один большой недостаток: он умел читать мысли. Не все, правда, а только самые сильные. Если мимоходом, скажем, подумать: «Сквозит из двери, твою мать!», то его антенны могли и не уловить. Но если мысль яркая, вроде: «Сволочь все-таки Настька!» - то мог и спросить: «Кто это - Настька?»

Правда, если Григорий вспоминал при нем анекдоты, то Шсшихх не смеялся. Не рубил наш земной юмор.

Однажды Григорий пил в гараже пиво, беседовал с Шсшиххом и забыл бутылку. Когда зашел на следующий день - тот держал в отростках цветов-не цветок... короче, что-то вроде медузы. И вроде как забавлялся ею.

--Это что у тебя?-спросил Вылупаев, и вдруг понял: это же он из бутылки соорудил.

--Гоша, это ты сделал?

Показалось, что Шсшихх засмутился.

--Яхх...

Григорий взял - посмотрел.

--Ну, ты уме-елец! Как только сподобился?

Шсшихх промолчал. А Вылупаева вдруг осенило.

--Слушай, может ты еще чего умеешь?

Когда снова пришел, принес ему деревяшку и свою трудовую книжку.

--Видишь эти печати круглые? Ну-ка попробуй такие же вырезать.

На следующий день держал в руке готовые заказы. Дома мазал деревяшки чернилами, шлепал на бумагу, придирчиво сравнивал с оригиналами в трудовой книжке и удивлялся:

--Надо же! Точка в точку!

Два дня ему потом Шсшихх делал печати - всех учреждений, которые под рукой оказались. А также - лично

придуманные Вылупаевым. Из последних Григорию особенно нравилась одна: с хитрым вензелем и надписью: «Фонд ветеранов космической промышленности». Разглядывал ее с восхищением.

«Не зря его кормлю».

--Не зряхх...-подтвердил Шсшихх.

Григорий прикусил язык. Сказал:

--Тебе небось и лазерный диск нарезать - раз плюнуть!- и замечтал:-С твоими талантами и моей сообразительностью мы бы такого наворотили!.. Одних дисков сколько бы нарезали!.. Или, скажем, яновидением занялись: тебя - под стол, а я - сверху, с колдовскими причиндалами. «Эники-беники - флопс!» - ты мне докладываешь по наушнику, о чем чувак думает... Озолотились бы!

Шсшихх засмеялся визгливо, как будто стартер заработал: сейчас заведется, загудит и поедет.

«А ведь он скоро уйдет»,-подумал Вылупаев.

--А ты не хочешь, чтобы я уходилхх?-спросил Шсшихх.

Григорий снова прикусил язык.

--Конечно не хочу. Привык я к тебе. Прикипел. Так и буду думать: вдруг тебе опять кто-нибудь навалял?

--Как?

--Насовал. Наломал, в общем.

Шсшихх чувствовал себя все лучше. Ночью Вылупаев вывозил его на тележке из гаража "подышать звездами" - выполнял интернациональный долг. В гараже жилец часто сидел совсем грустный. Один раз Григорий заметил, что тот оживился, когда поблизости залаяла собака.

-- Животных любишь? Купить тебе собачку?

Полосочки стали загораться и гаснуть.

--Угу.

--А куда потом ее девать?-вслух подумал Григорий.

--Куда потом ее девать?-грустным эхом повторил Шсшихх.

Григорий между тем томился все больше. Ему даже сны стали сниться: то они с Шсшиххом в белых смокингах едут в огромном лимузине, то пьют в ресторане шампанское с двумя блондинками.

Стало ясно: пока Шсшихх не сбежал, надо взять его к ногтю.

Вылупаев два дня сидел, чертил, потом сходил на родной завод - набрал деталей: тросиков, колес, крючков... и за три бутылки водки заказал друзьям нужные механизмы. Потом стал устанавливать в гараже нужную систему. На расспросы Шсшихха отвечал коротко: «Усовершенствую тут кое-что, по хозяйству». Про себя пел в это время «Варяга», чтобы случайно лишнего не подумать. Сколько "Варяга" перепел - уму непостижимо!

Шсшихх с интересом наблюдал за работами, потом даже стал подсказывать. Григорий притворно сокрушался:

--Эх, жаль - пособить не можешь! У вас там занимаются рукомерлом?

Слава богу, что этот кокон Пентагону или нашим эфэсбешникам не попался! Они бы его живо оседлали!..

Стальные тросы должны были перехватить горло и самые главные отростки Шсшихха. Их силу и возможности он знал.

Однажды Вылупаев работал, пел, как всегда, «Варяга». Вдруг - щелкнула пружина и раздался предсмертный писк - за старыми крышками сработала мышеловка. Перед уходом Вылупаев подумал: надо мышку выкинуть, завоняется. Полез - шарил, шарил - нету мышеловки. Вылез злой, как черт. И тут Шсшихх, видно, решил улучшить ему настроение: протянул вдруг персик. Григорий растрогался:

--Спасибо.

Взял плод в руку: абсолютно натуральный персик.

--Ну, ты даешь! Где взял?

Шсшихх засмутился.

Персик Вылупаев отнес жене. Та стала есть и удивилась - косточки-то нет!

Григорий был вне себя. На Шсшихха чуть не кричал:

--Вот, значит, что ты за фрукт! А деньги - тоже сам делаешь? Или тебя ими снабдили??? В тамошней вашей разведке???

--А что - плохие?-спросил Шсшихх.

--Да нет...-признался Григорий.

Оставалось только поставить пару пружин. Шсшихх сидел уже, как в паутине, но был спокоен, не догадывался.

Вдруг как-то сказал:

--Возьми зарплатухх.

«Срок-то - послезавтра!»-удивился Григорий. Но вслух заметил:

--Ах да, вроде пора.

--Чтобы ты больше не волновалсяхх,-объяснил Шсшихх,-покажу, где они лежатхх.

--Да ты что! Я и не волнуюсь, уже понял, что ты честный...-хотел сказать:"человек", но осекся, поправился: -...парень.

--Как знаешьхх...

--Ладно, давай взгляну. Интересно, какие у вас там бумажники, в других галактиках.

Григорий подошел, и Шсшихх гостеприимно расстегнул складку на животе.

--Видишьхх?..

--Нет... (не понравилось, что несколько отростков стали нежно поглаживать его по ногам).

--Прямо тутхх... Смотри лучше. Наверное, мешает что-

нибудьхх... Пошарь справа...

В последний момент Вылупаев догадался, что дело нечисто. Но поздно. Руку обволокло и потащило. Так в цирке акробата стремительно уносит на трапеции под купол...

Шсшихх будто заснул. Прошло около четверти часа. Отростки вдруг зашевелились. Из того места, где исчез Григорий, Шсшихх достал несколько ровных бордовых пачек, пересчитал. Четыре с половиной миллиона рублей, 112 зарплат Вылупаева. Он захрюкал и пополз к выходу из гаража.

2.

После работы Кузюкин Степан пришел домой. Удивился: обычно жена по малогабаритной квартире так и мельтешит, а тут что-то нигде не видно. Позвал:

--Маша! Ты где?

Тапочки надел – пошел искать. Нашел Машу на балконе, и с ней - какой-то мужик. То есть вроде как мужик. Уши, нос, голова на месте. Но какое-то все не наше, непривычное. Даже не такое, как у негров или корейцев каких-нибудь. И - ни пиджака, ни штанов, так, хламида какая-то. Кузюкин похолодел: уже успел раздеться, сволочь!

Жена увидела Степана – радостно сообщила:

--Вот, Степа, познакомься с гостем.

--Кто такой-то?-Кузюкин пробурчал.

--В окно вот залетел.

В окно! Тоже мне, архангел Гавриил!

Кузюкин стал срочно вспоминать, где в последний раз положил разводной ключ - двинуть наглеца по его

необычному кумполу.

Жена мысли мужские угадала.

--Ты что, Степан! Он же не наш, он оттуда!-рукой помахала в небо.-Он мне свою звезду показывал.

--Ну, сейчас у него много звезд в глазах запрыгает!

Жена догадалась, что делать. Подошла, заблокировала бюстом правую руку:

-- Степа, ты что! Он же настоящий – в самом деле *оттуда!* Из тех, про которых в телеке говорят! Гость с далекой планеты.

Пришлось сдаваться.

--Ну, ежели гость, так ставь на стол, что надо. Будем угощать.

Перешли с балкона в гостиную – и Кузюкин понял, что жена его вроде как права. Потому что свечерело уже, и там, на балконе, не видно было. А под люстрой-то в двести свечей выяснилось: цвета гость зеленоватого, тинистого, крокодильего. Хотя Кузюкин крокодилов толком не видел, только по телеку.

Успокоился, спросил ненашего архангела:

--Тебе водочки или винца?

Показалось, что тот улыбнулся и вроде ничего не сказал, но Кузюкин явственно услышал:

--Налей, что не жалко.

Говорил он глухо, будто в кулак, но разобрать можно.

--Ну, вот это по-нашему!-подобрил Степан.

Жена поставила на стол, что в таких случаях положено. Сели, чокнулись, выпили по первой. Пришелец не морщился, держался чинно, закусывал не спеша.

--А у вас там как?-поинтересовался Кузюкин.-Такое потребляют? Водочку то-есть?

Выяснилось: водки, как таковой, на другой планете нет.

--Эх, жалко!-Кузюкин огорчился.-Как же вы там?.. Ну, да ладно, везде живут, как умеют.

--Да что ты – все о водке да о водке! Нет - чтобы об интеллигентном поговорить!

--Извини,-Кузюкин огрызнулся.-Ихних шекспиров-рембрандтов не знаю!

Встал – грибочков достать – и ахнул: гость-то с одного бока зеленоватый, а с другого – фиолетовый.

Незаметно поманил жену в кухню – будто нужно по хозяйству.

--Ты хоть внимание-то обратила, какой гость-то расписной?

--Не говори, Степа, прямо красота! Как у Клавки занавесочки, да еще мерцает!

--Ты что! Ничего он не мерцает! Ты куда смотришь? Он плотный такой, зеленый немного. А та сторона, что к буфету – чисто баклажан.

Вернулись, стали чай пить. Жена будто ненароком встала, с другой стороны гостя обошла. Поздно вечером, когда зелено-лиловый улетел, сообщила мужу:

--Да нет же, Степа, он как я тебе сказала – бледный и мерцает.

--А ты с того боку, где буфет, смотрела?

--Я специально подошла. Там он серебристый, весь в звездочках!

--М-да,-сказал Кузюкин, переполняясь чувствами.- Существуют, падлы!..

С тех пор пришелец стал их навещать каждый вечер. Однажды принес свою еду. Степан с женой стали пробовать.

--Вроде, похоже на сыр какой-то ненашенский...

--Что ты! Это же прямо как хомус! Помнишь, в Египте ели?

Кусок отложили. Пришла теща – угостили. Впились глазами с двух сторон:

--Ну как?

Теща побледнела:

--Что это вы на меня так уставились? Что это вы мне подсунули?..

Ударилась в истерику, еле успокоили, а про вкус уже забыла.

--Вроде как редька, только сладковатая...

Выше редьки с картошкой оценок у нее нету! Тьфу! Перестали тещу приглашать. Друзей тоже. И сами по гостям перестали ходить. Скучно с ними, с друзьями и с родней. То ли дело пришелец. То такого он цвета, то такого. К балкону подлетит бесшумно на своей тарелке (входил и выходил только с балкона, говорил: привык так) – красота! Кузюкин восторгался:

--Ну и тачка у тебя!

Выходили с пришельцем на балкон покурить (курил, конечно, только Степан). Стояли, на звезды смотрели. Так замечательно вечер провели! А спроси: о чем говорили? Да вроде ни о чем.

Правда, иногда Степана заедало любопытство, и он расспрашивал о далекой жизни: мол, как там у вас, женщины тоже есть? а у мужчин тоже есть, ну, это самое? И как вы там, у себя... это... ну?.. Но потом перестал расспрашивать. Видно, пришелец ему по дружбе что-то рассказал.

Иногда Кузюкин с работы приходил припозднившись и, встретив во дворе знакомых по дому, наверх пальцем показывал:

--Вон тарелка, видите? Это наш знакомый прилетел.

Но те только головами вертели, будто ничего не видят.

«Видно, свет неудачно падает,-думал Степан.-Ну, олухи! Ну и хрен с ними!»

Степану, его жене и пришельцу безо всяких людей хорошо было втроем.

Пришелец на балконе однажды приобнял Кузюкина своими вроде как руками и шепнул:

--Ты, Степа, такой счастливый! Ведь она у тебя просто красавица. Вся в беленьких пятнышках, в черненьких, в синеньких... Меня, когда я мимо летел, прямо так и притянуло к балкону.

--Ну, а я какой?-с замершим сердцем спросил Степан.

Мерцающая рука прикоснулась к его щеке.

--Ты? Извини, Степа, ты обычный, оранжевенький в полосочку.

Степан стал присматриваться к себе повнимательней. Вроде, действительно, какие-то полосочки оранжевенькие на теле заметил.

Рассказал жене. Та сначала удивилась, а потом согласилась:

--Ему со стороны видней.

И - вот странно: прежде Кузюкины ссорились через день, а теперь жили в миру да в ладу. Степан выпивать совсем бросил (выяснилось, что интересу нет с инопланетянином пить, которому наш российский ритуал непонятен и чужд), на работе стал вежливый, оживленный, никому не грубил. Через месяц начальство всем в пример

ставить стало и к зарплате накинуло.

--Да мы с тобой сами теперь как инопланетяне,-сказал Кузюкин жене.-А что? Пьянки надоели. Сериалы, которые по телеку крутят, больше не смотрим...

Даже с тещей общий язык куда-то пропал. Ну точно – инопланетяне с оранжевыми полосками!

Но как-то вечером гость не прилетел. Кузюкин пришел домой – не поверил:

--Как это нет? Отчего это вдруг нет?

Даже рассердился и на жену накричал:

--Ты ему, небось, что-нибудь не так сказала! Вечно вы, бабы, дурь какую-нибудь сморозите!

Всю ночь ждали – сидели под торшером перед открытым окном.

Вспоминали:

--Помнишь, какой он зелененький!..

--Прозрачный, мерцающий!..

Когда через двадцать дней их нашли, они так и сидели обнявшись. Все было в полном порядке: никаких следов насилия, грабежа, никаких прощальных писем обвиняющих и объясняющих. только на пыльной тумбочке дрожащим пальцем выведено одно слово: «Прилетай!».

3.

--Следующий!-крикнул врач из-за двери с табличкой «Отоларинголог Калошин П.П.».

Вошел Дунин.

--Что у вас?-спросил врач голосом человека, который устал притворяться добрым Айболитом.

Дунин помялся.

--В ухе что-то щекочет...

--Садитесь... Может, надуло в ухо? На сквозняке не сидели?

--Не знаю... Не сидел... Может, надуло... А может, мушка залезла, вчера весь вечер вокруг головы летала. Ма-аленькая совсем. Знаете, бывают такие - с булавочную...

--Знаю,-усмехнулся отоларинголог.-Надо мной в институте коллеги-студенты так однажды подшутили: приморили эфиром мух-дрозофил и принесли тайком домой - не знал потом, как избавиться. Тучами по дому летали.

--Та, что у меня, наверное, еще меньше,-сказал Дунин.

--Не исключено, что москит,-предположил врач.

--Может, он и залез? Щекочет, словно лапками перебирает.

--Глупости.

--А я вот...-осмелел Дунин.- Я слышал: жучки иногда в ухо заползают, и тогда надо подсолнечным маслом капнуть - и с маслом они обратно вытекают.

Врач поморщился и надвинул на лицо круглое блестящее блюдце с дыркой.

--Вы еще вспомните, что вам бабушка про молоко жар-птицы рассказывала! Показывайте ухо. В каком свербит?

--В левом. Только не свербит, а так, знаете ли, щекочет.

Откровенно говоря, отоларинголог Калошин накануне позволил себе несколько чересчур... ну, вы понимаете. Поэтому когда он начал дунинское ухо смотреть, ему тоже показалось, что вроде как действительно перед глазами мелькнула мушка. Подумал: «Хорошо еще - чертики не мерещатся».

Внимательно все осмотрел в ухе.

--Ничего нет.

--А если опять засвербит?

--Если, если!.. Ну, ладно, дам вам что-нибудь. Только маслом не капайте, выпишу вам другие капли, на спирте. Зайдете потом, расскажете.

По дороге из поликлиники Дунин эти капли купил. И хорошо сделал, потому что дома снова засвербило. Дунин достал капли, набрал в пипетку. Хотел сунуть пипетку в ухо, но кто-то рядом будто крикнул:

--Не надо!

Дунин вздрогнул и огляделся. Кроме него и телевизора, ничего говорящего в комнате больше не было. Тогда он догадался, что голос раздался прямо у него в мозгу.

Дунин пожал плечами и снова поднял пипетку.

--Не надо!!!-закричал тот же голос страшнее прежнего.

--Буду!-сказал ему Дунин.

--Нет!!!

--Буду!-сцепив зубы, прохрипел сквозь них Дунин.

Напрягся – и капнул.

Посидел. Потом заплакал. Плакал всю ночь, рыдал. Утром на работе тоже носом хлюпал, тайком слезы смахивал. Заведующий отделом, разумеется, заметил.

--У вас что, несчастье?

Дунин подумал и кивнул:

--Да... несчастье.

--В семье?-участливо спросил заведующий отделом.

Дунин опять подумал.

--В семье... и вообще.

Глядя на дунинское лицо, начальник вздрогнул: сильное, видно, горе у человека, как бы не помешался.

--Знаете что, идите-ка лучше домой.

Дунин послушно пошел домой. Пришел. Сел. Поел. Потом долго сидел без эмоций. Вот бы соседи удивились, если бы его увидели: по телеку-то – «Спартак» против «Алании»! А тут - тишина...

Потом Дунин вдруг встал, словно услышал приказ, открыл окно. Позвал кота. Погладил, взял мягко, но крепко, и держал. Скоро вокруг них закружилась маленькая мушка (непонятно: откуда взялась? в окно, что ли, залетела?), но Дунин ее не отгонял. Взял голову кота в руки и оттопырил котовье ухо. Мушка тут же юркнула туда – прямо в ухо. Дунин отпустил кота. Тот обиженно фыркнул, стал трясти головой. А Дунин снова сел в той же беспристрастной позе и так просидел все сумерки, не зажигая огня.

На следующий день Дунин снова пошел в поликлинику, как врач велел. Тот даже руками развел:

--Что-то вы уж больно скоро! Ну, как ухо?

Дунин лучезарно улыбнулся:

--Все нормально.

--Ну, поздравляю. А я от вас заразился. Тоже в ухе будто свербит. Самовнушение - не иначе.

Дунин ответил еще одной лучезарной улыбкой и вышел.

Отоларинголог Калошин крикнул следующему пациенту: «Подождите минуту!» и притворил дверь в кабинет. Потом достал капли. Хотел капнуть. Но голос в голове крикнул:

--Нет!!!

Врач Калошин сделал еще одно усилие. Но не смог. Замер с пипеткой над ухом, голова - на столе, боком.

Взгляд стал отстраненным. Довольно долго так лежал. Потом выпрямился, бросил полную пипетку в ведро для мусора, туда же - капли и крикнул:

--Проходите там! Следующий!

Вошла полная женщина.

--Что у вас?

--Горло прихватило. Болит.

--А с ушами все в порядке?

--Вроде в порядке.

--Это ничего не значит. Сейчас столько разной ушной инфекции гуляет... Раз уж пришли, надо все проверить,- отоларинголог Калошин пощелкал-погремел своими замысловатыми никелированными инструментами.- Садитесь. Посмотрим ваши уши.

4.

...И вот, представьте, сидит Илья Силуянов на кухне за самым банальным делом: распитием трех бутылок пива. Сидит – и вдруг слышит звук, как будто рядом кто-то тоже открыл бутылку пива: пшш!.. А Силуянов, надо сказать, в этот момент, никаких бутылок не открывал. Поскольку еще только-только допивал первую.

Он посмотрел в ту сторону, откуда донеслось это «пшш!..» - и увидел: прямо в воздухе образовалась круглая дырочка, и из нее повалило что-то: то ли пена, то ли дым. Потом это что-то медленно поползло по воздуху, поползло, знаете ли, себе эдак - и куда-то уползло.

Силуянов не был, конечно, готов к такому сюрпризу в собственной кухне, и он немного остолбенел. Но потом выпил пива и успокоился. Тем более, что ничего больше снова не проплывало.

Но прошло несколько дней – входит как-то Силуянов к себе на кухню с авоськой (морковки купил, редечки) и снова слышит: «пшш!..» И опять - поплыло, поплыло и исчезло. Так и пошло: время от времени открывается дырочка и оттуда – «пшш!..» – белый дымок. Плывет и уплывает.

Силуянов стал приглядываться, осмотрел то место, откуда все это вылезает. Увидел: действительно - как бы дырка прямо в воздухе, и из нее ползет. Выползет – и куда-то уползает. Может быть в другую дырку.

Сначала Силуянов непонятного явления опасался: черт его знает, что за зараза. Может – ядовитая? Сначала опасался, а потом начал звереть. Кто же это позволил? В его честно приватизированной квартире! Вот так – среди бела дня!..

Наконец придумал: взял пылесос, поставил на кухне и караулил. Как только опять зашипело и поползло, он схватил пылесосную трубу, включил агрегат и все засосал. Но не успел порадоваться, как это самое, что он засосал, выползло обратно через сеточку, где горячий воздух выходит. И поплыло дальше, совсем такое же, разве что, наверное, немного нагрелось в пылесосе.

После этого дырка стала менять места: сегодня тут, завтра там; сегодня у холодильника, завтра – над раковиной. Силуянов совсем стал нервный. Решил это дело прекратить кардинально. Когда в очередной раз услышал: «пшш!..», то подскочил и с размаху заткнул чертову дырку пробкой от шампанского. Посмотрел: держится. И вот что удивительно: вроде как он пробку прямо в воздух воткнул, а нижней-то части пробочной не видно, одна голова торчит. Будто в невидимой бутылке. Потом – ка-ак даст! Пробкой Силуянову по ребрам. И опять – из дырки мимо проплыло и уехало.

Ну, это уже, извините, прямое издевательство! За это морду бьют. Проблема в том, что морды-то – нет! Тем не менее, Силуянов не сдался. Пригласил соседа. Тот был физик при Советах, теперь - челнок турецкий. Выпили с ним коньячку, Силуянов все рассказал. Сосед не удивился:

--Чего же тут странного! Просто там, у них, пространство искривилось – вот они к тебе в квартиру и полезли. Они и сами не рады, что так вышло, да что поделаешь! Пытаются место поменять, да не выходит.

--Кто это такие – «они»?

--Не знаю. Какие-то порождения какого-то разума.

--Дым-то этот... или пар... - порождения?

--Это ты пар видишь, у тебя так глаз устроен. А если бы у тебя их глаза были - увидел бы может быть таких же, вроде меня или тебя.

--А вот я пробкой...

--Чудак ты! Разве можно: Пространство - с большой буквы! - пробкой заткнуть?

Еще выпили коньячку, и сосед подсказал эксперимент: как ползет - загнать в полиэтиленовый пакет. Сидели долго, выпили еще не раз. И - надо же! – как только сосед ушел, сразу – «пшш!..» - и поползло. Силуянов заметался, схватил пакет, в котором редьку принес, – и в пакет все поймал. Завязал покрепче, положил на стол. А что дальше делать, у соседа не спросил. Ладно, спать пора, завтра будем думать.

Утром Силуянов пришел на кухню и увидел: пакет все там же, на столе, но сильно сдутый. Вчера пухлый такой был, а сегодня сдутый.

Позвал соседа. Открыли пакет, вытрясли из него то, что внутри: вчера дым был белый, веселый, пушистый, а теперь – грустный, серый, слоистый.

--Все ясно,-сосед сказал,-убил ты его.

--Я?!-Силуянов возмутился.-Это же ты мне подсказал!

--Но в пакет-то ты его посадил. Самолично.

--Ты же сказал: эксперимент, фуффло ученое!

--Кто же знал?

--А если не знал, то какого тогда с советами совался?

В общем, поругались с соседом, потом подрались немного, и Силуянов его из квартиры выгнал. С треском.

Дымок во время бузы этой съехал на пол и грустил под столом. Силуянов встал на карачки, подполз к нему, протянул руку, почти касаясь:

--Прости, друг!..

На работу в этот день Силуянов не пошел. Сидел, плакал. Иногда подползал на карачках к печально плавающему дымку. Те были живые, белые, двигались, а этот грустно так висел...

Вечером пьяный Силуянов позвонил по 02. Сказал:

--Приезжайте, кажется - я убил...

Быстро приехали.

--Это вы звонили?

--Я.

Посмотрели на него, втянули носами воздух, покивали: мда, до чего же всё всегда похоже!

--Ну, показывайте, где убитый. Собутыльник, небось?

Силуянов повел их на кухню, отодвинул стул, показал на дымок:

--Вот. Это не наш, это из Пространства. Должен быть такой пухлый и двигаться... А я его убил...

Милиционер посмотрел на дымок, помахал над ним рукой - тот начал на глазах рассеиваться.

--Ты что делаешь?!-вне себя закричал Силуянов.-Это же он!.. он!..-и полез на милиционера.

Буяна увезли, и больше он не появлялся. Вместо него в квартиру въехал племянник, получивший ее как

ближайший наследник сошедшего с ума дяди. Ничего постороннего и необъяснимого там больше не происходило.

5.

Сашуха Балобанов заварил чай (сливовый цвет с жасмином, а не какой-нибудь плебейский цейлонский!), потом включил компьютер. Открыл электронную почту. За ночь, как водится, мусора навалило, будто снега в феврале. Сашуха вздохнул и принялся убивать спам. Где-то в середине помойки нашлась пара писем от дружков. Один прислал фотки египетского отпуска, другой – шахматный ход (конь с g1 на f3, Балобанов с ним дебют четырех коней разыгрывал, чтобы самого Алехина посрамить). А среди оставшейся ерундени вдруг увидел: написано «лалала» – и файл прищиплен. Странное какое-то показалось это «лалала». На спам не похожее. Обычно какая-нибудь дребедень глупая, вроде:

«позвони нам и заработай 5000 долларов!»,

а тут: «лалала»;

или: «от Виктора Петровича – конфиденциально: секрет, как заставить женщин визжать от удовольствия»,

а тут: «лалала»;

или: «евроокна за один день!» («Вот если бы афроокна – я бы еще заинтересовался!»)-саркастически хмыкнул Сашуха).

А тут – «лалала» – и все. Может, вирус какой подбрасывают? Или даже может вируса нет, а как откроешь - там там просто что-нибудь обидное, типа: «Пошел в жопу!». Бывало и такое.

Балобанов стал щелкать клавишей, все убирать. А как дошел до «лалала», вдруг остановился. Задела его эта

«лалала». Вроде как заглянул в душу звонкий кто-то, веселый. В этой жизни кругом – сплошные враги, хотят от тебя одного: чтобы ты им свой карман пошире расстегнул. Показалось: вот сейчас щелкнет мышью – и какой-то красивый мотылек с крылышками из розовой паутинки умрет, улетит, пропадет...

Сашуха Балобанов сходил на кухню, попил чаю (ройбуш-карамель, а не какой-нибудь плебейский «липтон!»), вернулся и решил: «Открою все-таки!». Но сначала посмотрел объем послания, чтобы прикинуть: не вирус ли все-таки? А потом открыл.

Экран засветился красивым неярким светом – и вынырнуло из этого света что-то... то ли червячок, то ли амeba - живое и очень веселое, переливающееся. Принялось прыгать, кувыркаться. Сашухе отчего-то тоже стало необыкновенно весело. А у того, в экране, выросли короткие забавные ручки, и он (или – оно?) стал ими показывать: мол, включи саундбластер. Балобанов включил. Оттуда тут же потекла тихая музыка непонятная. Простенькая такая, будто две ноты всего: да-ду... Внезапно Сашухе Балобанову безумно захотелось купить сканер. Действительно, что же это он до сих пор сканер не купил? Прямо смешно! Давно надо было купить! Про червячка даже забыл - а ну его к чертовой матери!

На следующий день Балобанов пошел купить сканер. Принес. Поставил. Подсоединил к компьютеру. Стал думать: что с ним делать? Долго думал. Даже два раза успел сходить чай попить (матэ с медом, а не какой-нибудь плебейский «твайнинг!»). Наконец догадался: включил компьютер. Снова червячок в мониторе затанцевал и давешняя музыка полилась. Тогда Балобанов вдруг понял: ну, конечно, вот же что надо! Положил на прозрачное стекло ладонь. Отсканировал. Потом руку до локтя

отсканировал. Потом - ступню. Стал голову засовывать под крышку сканера – неудобно: то затылок не лезет, то нос торчит.

На следующий день еще один сканер купил. Самый большой (денег у знакомых на работе занял). Теперь голова вся укладывалась. Сделал голову. Потом остальное тело отсканировал в несколько приемов, по фрагментам. Наконец весь был готов. Посмотрел на экран - а червячка-то нет! Вместо него – сам Сашуха Балобанов, такой же точно, как он сам, живой Сашуха. Сашуха пошевелил пальцем – и тот, в экране, тоже пошевелил. Тем же пальцем. Потом тот, который в экране, своим пальцем пошевелил - и Балобанов тем же пальцем пошевелил, будто кто-то приказал ему. Потом ему почудилось, что кто-то сказал (или он сам себе такое навообразил?): нажми, мол, клавишу *delete*. Сашуха Балобанов нажал. И исчез.

6.

У Петюковых банально сгорел банальный фен. Заграничной модели. Тот, которым волосы сушат в обычной трудовой семье. Сразу после зарплаты Петюков пошел и купил новый фен. Тоже заграничный (отечественные-то вообще существуют в природе, а?). Нормальный такой фен, жужжит и сушит, как положено. Только заметил Петюков, что изнутри сквозь нормальное жужжание еще какие-то звуки пробиваются. Начинаешь волосы фенить - а тебе в ухо: дззз! ти-ти-ти!.. Не то, чтобы громко, а тихонечко так: дззз! дззз!.. а может: бззз!.. В общем, по-разному.

Сначала Петюков подумал, что это в моторе дребезжит. Хотел даже устройство разобрать и посмотреть. Но потом прислушался: да нет, не в моторе, а будто лепечет кто-то на непонятном языке, да не на один голосок, а сразу на несколько. И - сообразил: это же фен чье-то радио ловит! И оно у него внутри бурчит на голоса на непонятном языке. Китайцы, наверное, или арабы какие-нибудь... Нет, скорее китайцы, уж больно язык нечеловеческий: пищат и цокают: пи-пи, ц-ц! Включаешь фен – оттуда: пи-и!.. Выключаешь – ничего нет.

Нельзя сказать, что Петюкова это напрягало. Но вызывало некоторые эмоции. По какому они праву в неполюженном месте звучат? И кто там, у них, скажите, за техникой следит? Пусть валенком не прикидывается, а руками двигает, зарплату оправдывает!

Несколько раз Петюков им даже давал сигналы, что у них не все в порядке и по технической части, и по линии уважения прав других граждан. То есть, по-простому говоря, орал в фен:

--Эй, вы! Долго это будет продолжаться? Наладьте там все у себя как следует! Прекратите безобразия!

Но тем - хоть бы хны. Все так же цокали.

Сдуру Петюков рассказал про непонятное радио жене, и та стала фена бояться. Пришлось войти в расходы, другой фен купить. Тоже заграничной модели. И - ничего, никаких посторонних звуков из него, только жужжит, как положено. Отдал новый фен жене, а сам продолжал пользоваться старым:

--Я их, сволочей, прищучу!

И придумал вот что: купил на рынке электрическую искрилку, которой газ на плите поджигают. Девяносто рэ отвалил – купил добротную, китайскую, искрит – дай бог! Любой ведь знает: когда на улице гроза гремит и молнии

сверкают, то в радио трещит. Глушит, значит, электроразряд радио. Забивает. По всему диапазону гадит.

И вот как-то под настроение включил Петюков чертов фен - и давай перед ним китайской игрушкой щелкать. Вы бы послушали, что началось! Голоса взбудоражились, затараторили, как ненормальные. Любо-дорого, какой концерт поднялся кошачий! Петюков даже радостно засмеялся: ну, я им там устроил!

Один голосок вообще как заклинило, так и вопит: и-и-и!.. Не понравилось! Забеспокоились! Раньше надо было реагировать, когда он добром просил.

День, между прочим, был ясный, солнце в квартиру Петюковых било, как ненормальное. Вдруг по стене тень проехала. Петюков посмотрел в окно: нет, ничего вроде. Только солнце жарит. Тыркнул в фен искрилкой еще разок, потом другой. И тут снова тень наехала – теперь уже здоровенная, на полкомнаты. Петюков снова глянул в окно - и ахнул: увидел, как с неба несется огромное, круглое, серебристое - такое, как в кино показывали. И прямо в их пятиэтажку. Не исключено, что как раз - в петюковский подъезд. Да, судя по всему, именно туда ее и тащило. Петюков только и успел прокричать в фен:

--Эй, ты там! Я все понял! Сеанс кончаю! Давай, выруливай!..

СЛУЧАЙ ИЗ РАЗГАРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

- ... и десять золотых эю, по двадцать пять су каждое...
- Нет, мессер Джано, по двадцать четыре су.
- Почему по двадцать четыре? По двадцать пять,

Угуччоне.

- Нет же, это было зимой, а сейчас по двадцать четыре, мессер!

В мощеном дворе, среди каменных стен голоса разлетаются гулко, как в театре.

- Ну ладно, ладно, по двадцать четыре.

Это мессер Джано Фифанти, это его мурлыкающий тенор, а вот и он сам, его розовый колет - немного смешная, но простительная прихоть человека не старого, но и не молодого уже. А к колету - седина колечками в бородке и на висках. Угуччоне Каструччо - фактор неапольской фактории торгового дома Фифанти, горбясь над таким же коренастым, как и сам он, столом напротив мессера Джано (по случаю весны тот перенес дела на нежное солнце), забормотал:

- Взяты из фактории: дорогие покрывала лангедокского сукна, зеркала, сундуки орехового дерева... кожа и флорентийские ткани для французского двора... и шерсть - двадцать два тюка по четырнадцать флоринов... Уплачено за погрузку... за аренду корабля - две тысячи... а еще - дорожные, мостовые, береговые... еще за пользование королевскими весами... опять же гостиный двор в Монпелье...

- Я вам разве говорил там останавливаться? - простодушно удивился мессер Фифанти.

Фактор заерзал.

- Да мы... я решил, что...

- Ну ладно, дальше, дальше...

- По двадцать денье в пользу короля с каждой бочки...

- А как мои рудники, что я купил в Божоле? - вдруг спросил мессер Фифанти.

- Я хотел после...

- Нет уж, мой друг, давай сразу. Что-то я не вижу от них

дохода. А есть ли рудники-то, а?

- Дело в том, мессер... королевский казначей...

- Что - королевский казначей?

- Дает свою цену за медь и серебро. А с нашей не согласен.

- Ах, грабитель! Вон оно что! - у мессера Фифанти пальцы левой руки от огорчения стали подпрыгивать и стучать по столу. - А что это за неприятности, о которых написал мне нотариус Росиньоль? Умер кто-то?

- Крепь обрушилась, мессер, десять рабочих придавило.

- Гм, смотри-ка, почти дюжина... И что же Росиньоль?

- Просил передать, что надо бы замять это дело.

Обе руки мессера Фифанти покинули стол и обратились к небу.

- Тело Иисуса Христа! Компаньон он мне по рудникам или не компаньон, я тебя спрашиваю, Угуччоне?

- Компаньон, - согласился фактор.

- Или он не нотариус, скажи мне?

- Известное дело, нотариус.

- Святая дева Мария! Почему же всеми этими делами должен заниматься я здесь, в благословенной Флоренции, когда рудники там, у него под боком?

Фактор преданно моргал.

- Ладно, придется написать казначею, пусть займется... грабитель!.. Еще что, Угуччоне?

- Еще надо, - заторопился Каструччо, - для тех же рудников пять цепов железных больших, бадей для откачки воды, молотов и ломов, наконечников для кирок, один ворот на конной тяге, новую плавильню поставить...

- С плавильней и воротом подождать, - решил мессер Фифанти и прихлопнул ладонью, как печатью. - Жалованье снизить, а поденщиков брать из бродяг и нищих.

Распорядись, да не откладывай.

- Кривой Венто привез барку кораллов из Египта. Высадился тайно возле Ливорно. Вообще-то пришлось, как вы велели...

- Ладно, ладно! - перебил купец. - Это не надо, это ваши там дела...

Он покосился на слугу и повара, которые болтали поодаль, и нетерпеливо спросил:

- А что слышно в Париже?

- Много слышно, мессер... - растерялся фактор.

- Ну, выкладывай, выкладывай! Видишь: я уже устал.

- Говорят, Ангеррана де Мориньи скоро свалят. Завидуют ему очень... советники завидуют, секретари...

- Чиновники, советники, - пробормотал мессер Фифанти, а глаза его вдруг сузились так, что у фактора Угуччоне голова стала оседать в воротник. - Получают по сто ливров, а воруют по четыре тысячи. Скажи, мой друг, а доходные места там так же продаются, как и у нас во Флоренции? Нобили так же продают должности, а денежки кладут в карман?

Угуччоне Каструччо шумно вздохнул.

- Да, мессер.

- Вот они, люди!

- Да, вот они, люди...

От невидимых ворот долетел стук, потом шум. Слуга, что болтал с поваром, завертел головой, вытер нос и побежал посмотреть: что за шум?

- А... как, мессер, с моей просьбой? - вдруг отважился Каструччо.

Но мессер Джано Фифанти, погруженный в серьезные мысли, только вздохнул.

- М-да... В благословенной Флоренции, слава Богу, спокойно. Чернь утихомирилась. Нобили бесчинствуют в

меру... Торговлишка движется...

Он стал складывать монеты в кучку.

Как четки перебирает, пришло на ум фактору.

- Так что там? - наконец обернулся мессер Фифанти к слуге, который вернулся с известием.

- Какой-то бродяга, мессер. Вцепился в ворота, как кошка, говорит, что хочет открыть великую тайну, - сообщил тот, гнилой улыбкой показывая, что не одобряет.

- Вот ведь какое дело... - сказал мессер Фифанти, отпуская слугу и в задумчивости крестясь. - Извини великодушно, Угуччоне. Видишь ли, я дал обет ласково принимать всех пилигримов и странствующих.

- Бойтся прохлопать какого-нибудь святого апостола! - шепнул слуга повару.

- Это после того, как пустил по миру семейство Пульчи и зацапал все их имущество, - шепнул повар обратно.

- Ну, друзья мои! - сказал мессер Фифанти слабым голосом кающегося грешника, и слуга с поваром застыли. "Друзья мои" - это было нехорошо, это было опасно. - Друзья мои, впустите бедного скитальца и устройте ему трапезу...

Повар и слуга поклонились.

- ...скромную, чтобы не оскорбить его святые чувства.

Повар и слуга поклонились еще раз, пятась в разные стороны.

- Так, значит, насчет прибавки... Ребята просили узнать... - снова выдавил фактор, - Опасно стало, знаете... бури, разбойники...

- Бури, разбойники... - раздумчиво отозвался купец, перебирая монеты, и остановил в пальцах крузат. - Сколько напастей ты, приятель, пережил, пока прикатился сюда?..

Теперь не уступит, огорчился Каструччо.

- Божьего гнева каждый день ожидать нужно. Сегодня тихо, завтра - безумно. Неустроенно живем, Угуччоне. Забыли люди совесть и имя Христово!

Фактор изобразил некоторое благочестие.

“Черт бы тебя побрал! Христовым именем мне, что ли, с ребятами расплачиваться!”

- Как будешь в Салерно, - вдруг сказал мессер Фифанти, и звякнуло об стол, - как будешь в Салерно, там, говорят...

Угуччоне Каструччо смотрел на стол, где рассыпались монеты.

- ...говорят, пираты-арнауты продают юных мусульманок...

Монеты передвинулись ближе.

Фактор глазами сосчитал: три золотых дуката, дюжина флоринов, двадцать парижских ливров.

- ...купишь мне двух...

Еще выплыли два золотых.

- ...лет шестнадцати... лучше четырнадцати... чтобы воспитать их в правильной вере.

Весь флот монет причалил к тому краю, где сидел Угуччоне.

Тут мессер Фифанти стал смотреть на вновь появившегося слугу и темную оборванную фигуру позади него и уже не видел, как пропали монеты, и как фактор Каструччо тихо удалился, капая головой поклоны.

Неведомый человек, наконец, очутился близко, и мессер Фифанти разглядел его спекшиеся от упрямства губы, грязные ноздри, с презрительным шумом втянувшие воздух жилища богача; неистовые глаза и сальные волосы. Купец остался доволен: настоящий божий человек, презирающий *vanità* - суету, а не бездельник-болтун, каких сейчас развелось... прости, Создатель...

- Откуда ты, милый мой?

Человек долго смотрел исподлобья, прежде чем ответил.

- Из Амальфи.

- Это же далеко! Как же ты так быстро дошел?

- Вчера я ночевал в Ластре, - ответил странник, все так же косясь.

- А почему ты бродишь? Ты бежишь от набегов турок и сарацин? Дали тебе что-нибудь поесть эти (в сторону слуги) зажравшиеся псы?

Слуга состроил постное лицо.

Но попрошайка сделал вид, что слова уважаемого мессера для него не более красноречивы, чем сквозняк.

- Я несу людям спасение.

- Во имя Отца и Сына... дело хорошее, - одобрил мессер. - А вот скажи мне, давно ли ты бывал в Ри...

- Я несу всем правду об Острове Света.

- Это где ж такой? - заинтересовался мессер Фифанти.

- Мир прокис во лжи и пороках...

- Ой, верно!

- ...Процветают разбойники. А люди целуют руку, которая их бьет. Бесправный, бесприютный люд набирают на галеры и в цеха и заставляют работать за ломоть гнилого хлеба...

Мессер Фифанти заморгал...

- ...властители наживаются на войнах и раздорах...

...и закивал.

- ...но это всё - не на Острове Света!

- Да! - горько вздохнул купец, удобней усаживаясь на скамье. - Да, милый мой! Кругом поборы, произвол... дорожные сборы, мостовые, за каждую бочку вина, за каждую дюжину кож... Все эти жадные до денег князьки, все эти Кампофрегосо и Одорно...

- Но!.. - грозно сказал странник и будто сдул последние слова мессера Фифанти. - Но - Остров... - и тут струна его голоса дрогнула. - Там никто не сидит в праздности и никто не голодает, а свободное время проводится в достойных и полезных занятиях, а не в разгуле...

- Слава Иисусу! - завершил мессер Фифанти. - Где же такое местечко, милый?

Глаза под липкими прядями сверкнули, из них вылетел словно бы луч, легко пронзил купца и улетел куда-то вверх.

- Остров... там! - неопределенно показала грязная рука.

- А... - тоже неопределенно согласился мессер Фифанти.

Он опять слышал какой-то шум от ворот и сделал слуге знак заняться делом.

- Законы на Острове немногочисленны, кратки, ясны и справедливы...

- Так, так...

- ...люди не подвержены изменным страстям...

Шум вырос, в него вплелись отдельные крики.

- ...потому что всех примиряет общий труд...

Уже два или три голоса кричали так, что можно было разобрать: "Стой! Ты к-куда?.. За волосы его!.."

Мессер Фифанти стал невольно коситься вбок. В одно его ухо влетало: "...а разве справедливо, что лучше всех себя чувствуют в этой жизни нечистоплотные торговцы и удачливые убийцы?..", а в другое: "Ах ты ногой лягаться?! У-у, боров!.."

Наконец раздалось словно бы несколько ударов палкой по выбиваемой перине, и тут же во двор вбежали несколько человек.

Точнее, вбежал один, остальные были фигуры известные - слуга и повар.

- А! - закричал вбежавший прежде, чем мессер Фифанти успел рассмотреть две спелые ягоды его глаз, словно упавшие с рыжего куста на макушке и закатившиеся за выпуклые щеки, - А! Ты уже здесь, усохшая гнилушка, мозгляк, жабий проповедник!

Слуга и повар наскочили на вдруг остановившегося беглеца и повисли на его круглых плечах, ожидая сигнала.

Но у мессера Фифанти глаза лишь бегали туда-сюда. Ему неожиданно пришла странная мысль, что обе фигуры – и худой, и рыжий - выпали из одной карточной колоды, но только масть у них была разная - один что-то вроде пик, а другой, очевидно, из бубен.

Между тем тот, что явился первым, скривился и, презрительно выставляя вперед зубы, прокричал:

- Природа хочет для каждого человека счастья, но достигает его чаще грабитель бесчестным делом, а не честный труженик своим ремеслом!

"Эге, да они вроде как беседуют!" - догадался мессер Фифанти.

В ответ рыжий радостно упер руку в бедро, отчего висевший на нем слуга сполз на каменные плиты.

- Значит, если все будут сытно есть и сладко спать, это и будет зваться счастьем?

- Не клевети на Остров Света, мерзавец! - раздалось в ответ.

- Самозванец! Мое слово разгонит как пыль твои бредни!

"Еще один странник, божий человек!" - ахнул Фифанти.

Черный ощерил зубы, набирая воздух в узкую грудную полость - и звук получился такой же узкий и длинный, как его хозяин:

- Во и-мя сво-бо-ды!!..

- Стойте, стойте! - забеспокоился мессер Фифанти. -

Что это вы так шумите? Что это вы так кричите? Вы ведь бродячие проповедники, правда? Божьи люди?

- Синьор, - сказал рыжий, показывая мизинцем на того, кто пришел вперед него, - если б вы знали, как давно я хожу за этим обманщиком, за этим дырявым мешком, полным лжи. Он дурит добрым людям мозги, а в головах и без того развелось слишком много мыслей, оттого и все несчастья!..

Мессер Фифанти, разумеется, посмотрел при этих словах на первого, но не успел даже толком ничего понять из сказанного, как тот и сам смутил купца, заверещав, словно заяц, настигнутый собаками:

- Вурдалак! Змей ненавидящий! (и - мессеру Фифанти, протыкая воздух пальцем, похожим на стилет) Разве можно назвать человеком того, кто питается сырым мясом себе подобных?

- А-а!.. - закричал тут же рыжий.

Мессеру Джано Фифанти померещилось, что два пронзительных голоса сталкиваются над ним с искрами и скрежетом, словно отполированная сталь:

- А разделение на "жирный" и "тощий" народ - это верно? Значит, дети богатых так и будут получать преимущество?! - кричал один голос.

- Ха-ха! - рассекал его другой. - А кто же будет очищать кишки от дерьма перед тем, как набивать туда колбасы? Кто-то ведь должен это делать! Если все полезут в нобили, то и колбас не будет.

- Вот-вот! Так людей и делают негодьями и обманщиками! ворами! убийцами!

- Го-го-го! Когда правителя, мессера Джорджо, вели на казнь, глазеть на нее собрался тот самый народ, который еще вчера боготворил его. А потом этот же народ таскал его труп по улицам!

Слуга и повар снова привычно встали неподалеку, сложив под животами руки, а мессер Фифанти почувствовал, что сходит с ума. Подумать только: сразу два божьих человека, бродячих проповедника, и, как только один что-нибудь скажет - другой сразу же скажет наоборот, и у обоих все выходит так правильно и гладко!

- Вот ты сам и поймал себя, - сказал вдруг первый бродяга переливающимся колокольной торжественностью голосом и вздыхая, будто ему было грустно, что рыжий сам себя поймал. - Когда все будут одинаково трудиться, не будет вони несправедливого богатства, которая затуманивает мозги.

Мессер Фифанти, раскрыв рот, со страхом посмотрел на рыжего: черный явно победил. Ничего не возразишь: если все будут, как завещал Господь, хлеб свой добывать в поте лица...

- А кто хранить да выдавать будет? Мясо резать на кухне? Хлеб в мешки насыпать? Неужто он своему сыночку лишнюю горсть не отсыплет? Да это же опять получится, как в богоспасаемой Флоренции, не лучше.

Купец испуганно перекрестился. Иисусе сладчайший! И опять верно получается! Голова его повернулась - теперь уже к черному. Тот тонко улыбнулся, и мессер понял с облегчением: сейчас скажет правильное.

- Вот почему на Острове Света и обходятся без всех этих чванливых приоров и капитанов справедливости, а на главные должности свободный народ выбирает самых мудрых и уважаемых.

- О! - рыжий сморщился, будто понюхал навоза. - Да знаешь ты, кого люди считают мудрым?

- А я верю в людей!

- Потому ты и побираешься по дворам в лохмотьях.

- На Острове Света будут другие люди!

- А эти куда денутся?

Черный на миг задумался.

- Переучим.

- Как?

- Разумом... искусством. Пусть каждый день занимаются искусством, ибо оно возвышает.

- Обожрутся твоим искусством и будут рыгать.

- Искусством нельзя пресытиться!

- А я? Я - обожрюсь!

- Таких... - черный с презрением поглядел. - Таких - заставим.

- О-хо-хо! Вот это уже по-нашему!

На этом месте мессер Фифанти решил наконец снова вставить свое слово.

- Я вижу, - начал он, - у вас обоих благородное стремление размышлять о людях...

- Люди! - завопил вдруг рыжий и ткнул рукой прямо в осоловевшую рожу повара, да так, что чуть не попал ему в глаз. - Нищие души! Орут и дерутся по пустякам, но когда их притесняют - кланяются подлым властителям. Эти люди достойны только батогов и тюрем!

- Да потому несчастные и молчат, - тут же закричал первый, - что властвует тот, кто захватил место мощной или силой!

- Ой, верно! - несмело поддакнул мессер Фифантию. - Неизмерима людская жадность...

- Ха-ха!.. Что-то не много видел я справедливости, когда во время бунтов поджигали дома и рвали людей по звериному на части!

- Ой, верно! - опять вырвалось у купца. - Хуже нет, когда нищий пополлан становится нобилем!..

- Чтобы правители не зазнались, их решения должен одобрить народ!..

Мессер Фифанти вдруг с ужасом почувствовал, что этот спор и крик уже не может прекратиться. Или прекратится только тогда, когда один из божьих странников по какой-нибудь причине замолчит. Но при мысли о такой причине мессер стала покалывать дрожь.

- Да ты что - растерял мозги? Не помнишь: когда Синьория предложила наемного солдафона - герцога Готье государем Флоренции на один год, народ сам стал кричать: пожизненно! А потом толпа носила его на руках по площади!

- Что же ты хочешь, низкий раб, от непросвещенной толпы, когда все законы вокруг применяются для охраны власти и богатства? А человек...

- Человек-то, человек! - завизжал рыжий. - Этот-то сосуд греха и обжорства? Ха-ха! Ты ему об Острове Света, а у него одна мечта - бабу на сеновал завалить. А если у праведного вашего правителя вдруг испортится печень? Желчь бросится в мозги?.. Или жена у него... жена... знаешь, что с бабами бывает, когда они в летах?.. а...

К сожалению (и несмотря на то, что мессер Фифанти слушал с большим интересом: что там с бабами в летах? хотя, в общем, и догадывался) на этом месте словесный поединок оборвался. Посланник Острова Света как бы поставил точку, достав сухим кулаком розовое ухо визжавшего. После этого оба странника так стремительно побежали друг за другом по двору, что купец, его слуга и повар не сразу догадались, что возвышенная богоугодная беседа окончательно перешла в вульгарное пересчитывание чужих зубов.

Мессер Фифанти опомнился только когда бродяги, завыв ужасные угрозы, стали карабкаться по лестнице на галерею второго этажа: черный впереди, рыжий за ним.

- Эй, ловите их!.. (слуга и повар переглянулись) Нет!

Пусть один бежит за стражей. (и тот и другой бросились со двора) Эй, стойте! Куда вы оба!

Но слуга и повар, очевидно, бежали так быстро, что уже не слышали последних слов хозяина.

Мессер Фифанти остался один на скамье, тоскливо ругая бестолковых прислужников и наблюдая, как соперничающие пророки наконец вцепились друг в друга на галерее. Иногда они падали, и тогда за перильными столбиками было плохо видно, чьи аргументы на сей раз убедительнее. Слушая рычание и сочные звуки драки, мессер Фифанти от испуга стал читать "Отче наш", сгоряча прочитал пять раз и вдруг обнаружил: каждая новая строчка приходится на удар: "Иже еси..." - бах! "Да придет Царствие..." - трах! - о колонну. А потом оба тела, сцепившись, покатались обратно вниз по ступеням: "И прости нам..." - "И не введи..." - "И слава во веки" - и в конце: "Аминь!"

В этот момент во двор вбежали нерадивый слуга и повар с алебардчиками.

- Ах, ах! - только и успел сказать мессер, как жилистые руки с привычной ловкостью подхватили два тела и поставили на ноги, держа за дергающиеся, как у жуков, локти. Всё тут же обрело шахматный порядок, в котором выделялся начальник стражи, никого не державший за локти, а стоявший от утихшей суматохи в некотором презрительном отдалении. Проведя начальственный осмотр, он сделал несколько гордых шагов к мессеру Фифанти, чтобы лучше показать ему свою значимость вместе с парой прекрасных новых перчаток из желтой кожи.

- Мессер, эти люди что-нибудь украли или испортили?

Купец невольно встал, испытывая почтение к желтым перчаткам и красному берету.

- Нет... Они немного поспорили, а потом подрались.

- Вам не угрожали?

- Слава Создателю, такого не было.

- Ясно, - сказал начальник стражи, и по его энергично двигающимся усам было видно, что ему действительно всё ясно, как божий день. - Просим извинить за вторжение. Эй, ребята!..

- Пойдите! - совершенно непонятно заволновался вдруг мессер Фифанти. - Как-то все это так...

- А вы бы не принимали дома разных голодранцев, мессер, - отечески сказал начальник стражи, понизив, правда, голос.

- Божьи же люди...

- Это выяснят святые отцы, божьи или из другой конторы. Ваши ребята мне по дороге порассказали кое-чего...

Начальник стражи начал было торжественно поворачиваться обратно - к своим служебным обязанностям, но мессер Фифанти сам не понял, как очутился возле него и пальцами нащупал грубое сукно рукава.

- Надеюсь, - сказал он приятным голосом, - мое имя не будет... вы понимаете...

В тот же момент начальник стражи ощутил, как в перчатку ему проскочило что-то холодное.

- Господь не оставит своих верных слуг, - уклончиво сказал он, пытаясь определить по весу, во сколько наглый купец оценил сдержанность официального лица.

- Помилуйте! Уж Господь-то все видит, он-то знает, что за такую простую услугу крузата достаточно.

- Ах, не богохульствуйте! У меня начинают пальцы дрожать.

Начальник стражи не успел договорить эти слова, как в

перчатку снова упало, звякнув о первое.

- Желаю спокойствия и благополучия, мессер!

Начальник стражи наклонил берет, повернулся и сделал привычный жест:

- Пошли!

Тут же алебардщик толкнул в спину черного, а следом потащили рыжего. Но, вывернувшись в чужих руках, посланец Острова Света продолжал хрипеть перекрученной шеей (видно, спор так и кипел в этих глотках, не прерываясь):

- ...Величие духа, а не кошелька!..

- А если я хочу иметь не один плащ, а сто? - тут же дернулся рыжий.

- Тот, кто имеет сто плащей, захочет иметь и сто домов и тысячу слуг!..

- А-а! Так ты бережешь дураков от раздумий! Не хочешь, чтобы они ломали себе голову над тем, как и почему катаются флорины!

- Вот-вот! Если предоставить флоринам кататься, они укатываются от одних и прикатываются к другим!..

Это были последние слова, которые слышал мессер Фифанти, а последнее, что он видел, была внушительная спина начальника стражи, позади которой взбудораженный воздух вновь удивительным образом обретал спокойствие благородного хрусталя.

* * *

Зима огрызалась сильным холодным ветром - и мессер Фифанти кутался в плащ, прижимаясь к стенам. Никого не было на улицах, только побирались две вороны. Увидев большую серую птицу, подпрыгивающую на камнях мостовой и шмыгающую покрасневшим носом, вороны

злобно загалдели и отлетели прочь, опрокидываемые ветром.

Мессер Фифанти и сам готов был досадливо закаркать, когда очередной порыв пробирал его до костей.

Какая же сила оторвала его от жаровни с горячими углями, от подогретого вина? Что гонит его, как какого-нибудь нищего пополлана, по ветренным каменным ущельям Флоренции?

Значит, какая-то причина есть и не из-за нее ли он не спал всю ночь?

Да, представьте себе, такой достойный и состоятельный человек не спал всю ночь! И как же он мог спать, если в его доме схватили двух божьих людей, двух проповедников, да еще таких умных, и при этом он сам послал за стражей! Какой позор! Даже если начальник стражи будет держать рот на замке, все равно - позор никуда не денется, ведь он очутился в самом надежном месте - в сердце у Джано Фифанти. Мессер помнил, как еще в детстве мама рассказывала ему об Иуде, и он пугался: как же мог так поступить этот ужасный человек? И, хотя удавившегося было жалко (из-за того, что он все-таки раскаялся), грусть была не горькая, а торжественная, как молитва, потому что была положена на высокую музыку справедливости.

Эти вот воспоминания и подталкивали сейчас мессера Фифанти сильнее, чем ветер. Потому он и шел в это утро, борясь со стихией, к князю Альбериго Делла Белла.

А еще купца донимало, словно болезнь, непонятное беспокойство от тех слов, которые он услышал от двух проповедников. И, хотя он не спал, в ночном дыму ему так и мерещились страшные люди с вывернутыми ртами и выкаченными глазами, и слышались их немые крики.

Джано Фифанти даже вздрогнул, вспомнив об этом, но

посмотрел на Каштановую башню, где заседали приоры, и беспокойство стало таять... все спокойно в богоспасаемой Флоренции.

Наконец купец добрал до Дворца Синьории и поинтересовался, есть ли случайно князь Делла Белла.

Князь случайно был.

Мессер Фифанти в этом не сомневался, потому что политик должен находиться среди знатных людей и следить путь каждого, как купец следит путь каждого тюка шерсти. А, кроме того, мессер Фифанти, как добропорядочный флорентиец, был немного наслышан о семейной жизни князя, и это тоже придавало уверенность относительно встречи в Синьории.

Князь принял купца весело и радушно.

- А! - произнес он с обитого красным бархатом стула через всю залу, где по мраморному холоду расхаживали завернутые в плащи нобили и шуршали по углам секретари. - Вот и любимый сын торговли! Почтите его подвиг подогретым вином. Садитесь, мессер.

Фифанти сел на жесткую скамеечку напротив князя и увидел, что тот уже немало погрелся: нос у него лоснился, губа покраснела сквозь бородку.

Потом Альбериго Делла Белла занялся с секретарями, с какой-то бумагой, стал шептаться с некоторыми носителями больших фамилий, хмыкать, кричать, сердиться, хохотать.

Короче, вершил государственные дела.

Наконец, когда чаша в руках мессера Фифанти уже опустела, а ее серебряные бока стали неприятно остывать, князь отпихнул какое-то очередное лицо, быстро приговаривая: "Потом... потом..." и наклонился к Джано:

- Ну, как дела, мой друг?

- Идут помаленьку, ваша светлость, - сказал купец. -

Благодарю за заботу, времена, слава Богу, спокойные... корабли уплывают и приплывают...

При этом мессер Фифанти задумчиво посмотрел на синьоров Моска Фортебраччо и Ламбертуччо Галеаццо, совершенно случайно остановившихся неподалеку и совершенно поглощенных беседой; а затем туда, где синьор Форезе Моцци с трепетным вниманием разглядывал на стене фреску "Вручение ризы святому Ильдефонсу". Князь, увлеченный взглядом мессера, тоже заозирался.

- Что это вы липнете ко мне, как к девке? Ступайте, ступайте! Дайте перемолвиться словечком с моим другом!

Синьоры сдержанно поклонились и отошли.

- Любопытные все, хоть плачь! - сообщил князь мессеру Фифанти, но плакать явно не собирался. - Так что там корабли?

- Уходят и приходят, ваша светлость. Один из них, "Сан Джованно"...

- Хорошее название, - к месту и с чувством вставил князь.

- Да, хорошее название, покровитель нашего города... Этот корабль вернулся из Леванта и привез шелк такой редкой красоты, что я решил... я подумал...

- Правильная мысль, мой друг, - одобрил Альбериго Делла Белла.

- Завтра же пришлю вам образцы, ваша светлость, - сказал мессер Фифанти, добавив мысленно к шелкам три квинтала перца, миндаля и александрийский сапфир, но сапфир тут же мысленно убрал, поколебался и сообщил:

- А также, ваша светлость, высоко ценя доброе отношение ко мне синьоров нобилей, передаю в дар те подсвечники и семь бочек вина, за которые Синьория должна мне 400 флоринов...

При этих словах князь не сдержался и хлопнул себя по колену.

- Ну! Я так и думал! А ведь некоторые уже стали поговаривать, что, мол, Фифанти совсем загордился! Забыл Бога и совесть! Но ты достойно поступил, мой друг. А?

Восклицания князя громко прокатились по зале, но синьоры нобили были так увлечены своими делами и беседами, что не расслышали их.

- А вот что, - сказал князь, снова убавив силу голоса. - Говорят, твой человек... этот... Каст... ну, бог с его именем, в общем, который пронырлив, как кот, был во Франции и в Риме. Что он рассказывал?

Мессер Фифанти печально заморгал.

- Ничего веселого, ваша светлость. Сплошные угрозы и вымогательства. Из-за денег всюду оговаривают и отправляют на эшафот, травят честных купцов... В Париже сведущие люди поговаривают, что конец света...

- Это верно, в Париже любят болтать, - заметил князь поперек рассказа, и мессер Фифанти вежливо замолчал. - Но я слышал, у тебя есть смелые ребята в Марселе и хорошие знакомые в Александрии.

- Да, ваша светлость, - сказал Джано Фифанти, догадываясь, куда заворачивает беседа. - есть кое-какие... правда, чужие языки, бывает, говорят лишнее...

- Это я к слову. Я вдруг подумал: а не может ли мой друг помочь отправить корабль с грузом в Левант?

Брови у князя взлетели, потом опустились, а в глазах появилась философская отстраненность, как будто перед ним сидел не мессер Фифанти, а какой-нибудь Сократ, а сам он был, например, Платоном.

- Это, наверное, ценный груз? - утвердительно спросил купец.

- Ценный и очень дорогой, - вздохнул князь.

- М-да... - посочувствовал купец.

- То-то и оно! - заметил Делла Белла.

После этого очередь говорить снова оказалась за мессером Фифанти, и он начал было сбивчивым шепотом:

- Ваша светлость, ведь папа отлучает от церкви за продажу неверным оруж... - но тут же по неизвестной причине вдруг на секунду онемел, а князь, хмурясь и совершенно не понимая, спросил:

- Продажу - чего?

Когда голос вернулся обратно, мессер Фифанти дошептал:

- Вашего ценного груза.

- Я думаю, что святой престол не откажет мне в маленькой просьбе. Солидные люди всегда договорятся.

- Но ведь это получается... вроде как уби... хрис... хрис...

Тут купец снова таинственным образом онемел и немел до тех пор, пока Делла Белла, глядя на него с самым доброжелательным видом, не спросил ледяным голосом:

- Так что, ты отказываешься, мой друг?

Опытным глазом князь разглядел, что в душе у мессера Фифанти при этих словах пришли в движение гиришки, уравновешивая что-то, а что именно, князю не было, разумеется, видно. Впрочем, его это и не занимало.

- Ах, ваша светлость, - простонал наконец торгашеский тенорок, - ценя вашу дружбу, я к вашим услугам.

- Спасибо, мой друг. Я почему-то не сомневался в твоем понимании, и - видишь! - не ошибся. Это дело мы обговорим позже. Можешь располагать мной, если будет в чем-то необходимость.

И князь Альберико Делла Белла уже стал искать

глазами секретаря, вспомнив о прерванном течении государственных дел, и не ожидал, что мессер Фифанти захочет располагать им так скоро.

- Ваша светлость, непростительно отвлекать вас мелкими делами...

- Да-да, Джано, говори, - сказал князь, почти не поморщившись.

- Ваша светлость, я хотел бы попросить за двух божьих людей...

- Чьих людей, Джано? - переспросил князь, не расслышав фамилию.

- Божьих.

Бровь у князя зашевелилась, а по лбу прочертился неприятный зигзаг.

- Что с тобой, мой друг? Я не занимаюсь божьими людьми.

- Знаю, ваша светлость, - поспешно зашептал мессер Фифанти. - Но такое дело... ("Святой Джованно! Еще решит, что я не в своем уме!") Уж больно необычные люди... проповедники, ваша светлость... ("Ну точно, решит, вон глаза стали совсем оловянные") Один рассказывает про Остров Света, а другой наоборот... ("Что я несу! Дева Мария!") Я такого еще в жизни не слышал... но их схватили в моем доме... потому тяжело на сердце... вот тут - как будто свинец. Я всю ночь, ваша светлость...

Однако князя сбивчивая словесная отрывка, неожиданно обуявшая купца, почему-то заинтересовала.

- Смотри, как тебя разобрало, друг мой. Неужели такие хорошие проповедники? Бойкие ребята, а?

- Бойкие, - согласился мессер Фифанти. - Божьи люди.

- Надо будет на них посмотреть. Скукотища такая, между нами скажу тебе, Джано, одни и те же рожи вокруг, и погода, будто на небе кто-то обо... - последнее слово князь

отчего-то не договорил и задумчиво перекрестился. - Впрочем, там видней, чего мы, грешные, заслуживаем... Когда схватили этих людей?

- Вчера, ваша светлость.

Князь Альбериго Делла Белла щелкнул пальцами, чтобы подошел секретарь, и приказал:

- Посмотри, записано ли где, что каких-то двух оборванных проповедников вчера схватила городская стража?

Через секунду секретарь вернулся, согнул свою гибкую спину. Левая бровь у князя дрогнула (примета высокого благородства крови).

- Интересно... - говорил он, пока секретарь шептал. - И что же?.. Вот как... Ну-ну!

- И куда их? - спросил он наконец, пошевелив пальцами в воздухе. - А!.. К святым отцам!..

- Вот видишь, дорогой мой, - обратился он к мессеру Фифанти, - монахи уже зацапали твоих бездельников. Они что - еретики?

- Нет, ваша светлость! - испугался купец. - Ничего такого, клянусь Христом!

- М-да, любопытно... Непростые ребята, а? - спросил князь вроде как у секретаря (тот с достоинством кивнул), но вроде как и у мессера Фифанти (и тот тоже торопливо согласился).

- Ну ладно, - решил Альбериго Делла Белла. - Взгляну, что за птички... Ради тебя, Джано, разумеется. Ради нашей дружбы, а?

Последние слова вытекли из красного рта как из фагота - с многозначительным переливом.

- Совершенно верно, ваша светлость. Чрезвычайно польщен, ваша светлость.

Мессер Фифанти от радости не заметил, куда девал

серебряную чашу, из которой пил вино, и опомнился только на улице от сырого ветра. Одной рукой он стал пеленать себя в плащ, а другой несколько раз перекрестился на проросший вдали сквозь крыши купол собора.

А после, предвкушая, как спокойно будет спать нынешней ночью, купец заторопился - скорей! скорей! - от Синьории и от всей этой истории.

* * *

Монастырь Сан Сальви отделился от суетной Флоренции доброй милей полей и огородов. В тот пасмурный день весь он предавался благочестию и глядел на окружающее со строгим смирением, сжав створки захлопнутых ворот. Когда князь Альбериго Делла Белла и его свита, мелькая красным, пурпурным, бордовым, золотым и нежно-зеленым, подскакали ближе, могло показаться, что стены недовольно сморщились. Но на самом деле, конечно, это просто играло солнце, которое то появлялось, то залезало за облака.

Светло-серый под князем остановился, и вперед сразу поскакали несколько человек из тех, которых специально берут во все высокие свиты, чтобы кто-то мог крикнуть в нужный момент: "Посторонись, бревно!" или например: "Ты что, ослеп, плебейская рожа?" На этот раз они закричали:

- Эй, кто там есть! Отворяй!

Стены насторожились, в окне замигала чья-то голова. Потом, как и следовало ожидать, ворота разъехались. Будоража своды сытым цокотом, все втянулись во двор, где топтались подвязанные веревками монахи. На одном висел большой крест, и именно ему достались княжеские слова, как только Делла Белла расстался с седлом и

стременами:

- А! Пьетро, мой друг!

- Да благословит вас Бог, - отозвался отец-настоятель довольно бесцветно.

- Как дела, мой дорогой?

- Хвала Иисусу.

- Да, вижу, вижу...

Присутствующие благожелательно слушали эту приятную беседу.

- А мы вот ехали, - сказал князь Делла Белла и оглянулся в подтверждение на своих бордово-нежно-зеленых, - и подумали: дай помолимся у братьев, а?

- Дело святое, - согласился отец-настоятель.

При этих словах на губы ему сами собой спустились молитвы, и он некоторое время беззвучно шептал, пока не нашел в себе силы снова вернуться к прозаическим обязанностям, и тогда уже приказал:

- Братья, отоприте храм для почтенных гостей.

- Вот-вот, ступайте с братьями, молитесь там усердней, - подтвердил князь. - А мы сейчас тут...

Он взял монаха под руку, слегка сморщив при этом длинный нос аристократа (показалось, что от рясы воняет казармой).

- Я слышал, мой дорогой, что тут у вас завелись два интересных парня.

У отца-настоятеля глаза польщенно поехали в сторону.

- В уважаемом месте как не быть интересным людям. Брат Томмазо на днях научился лечить геморрой наложением рук...

- Да с чего ты взял, что у меня геморрой? - сказал Делла Белла почти сердито и отстранился от монаха. - Я тебе толкую про тех двоих, которых схватили на днях в городе, в... одном месте. Проповедники, что ли, божьи

люди... В общем, болтали неведь чего, несли без колес, языками сучили.

Пока князь говорил, на лице монаха отражались какие-то приливы и отливы, а потом из него с гневной натугой медленно полезли слова:

- Божьи люди... У этих божьих людей слов - как мух на помойке, и ни одного - о церкви и о Господе, а ведь Божьим провидением мир устроен и процветает.

- Это верно, храни нас всех святой Джованно, - быстро сказал князь и перекрестился. - Ну, Пьетро, покажи-ка мне их, хочу послушать.

- Они мерзкие развратники, и слушать их - только радовать дьявола.

При этом громком имени князь задумался, но потом спросил - с коварным простодушием:

- Так что же, подумай сам: значит, я зря сюда тащился?

- Ты молиться ехал, - воткнул Пьетро "ты", как булавку.

- Ладно, ладно, давай, показывай, - сказал Делла Белла и хлопнул монаха по спине. - Не ссорься со мной, друг мой.

От шлепка отец-настоятель распрямился и сказал нехорошим голосом:

- Хорошо. Развлечем Нечистого.

Он зашагал к постройкам, быстро забубнив по латыни, и мимоходом объяснил:

- Замаливаю грех нечестивого любопытства.

- Ничего! - добродушно сказал князь. - Думаю, глотка у тебя не пересохнет, ты ведь знаешь верное средство. А я завтра пришлю бочоночек.

Монах шагал быстро, и князь стучался плечами о стены в узких проходах. Они спустились, поднялись, опять спустились, и перед дверью Пьетро достал из рясы толстый ключ.

- Вот здесь они постигают мудрость и терпение.

Князь кивнул.

- И хорошо, что постигают.

Ключ торжественно повернулся.

Но прежде, чем заскрипели петли, княжеская бородака подъехала к монашьему уху.

- А они - без ножей?.. Щупали их?

- Будем уповать на милосердие Божье, - сказал отец Пьетро, подняв глаза в потолок, и князь понял: щупали.

Убедившись на всякий случай, что длинный stiletto при нем, Делла Белла шагнул в тухловатый сумрак, застоявшийся за дверью, и не успел еще ничего разглядеть, кроме маленького окошка, как его спутник радушно представил:

- Герардо Пампецци и Бокаччо Бамбарезе, самозванцы и бездельники, поощряемые дьяволом.

Два бледных лица всплыли навстречу гостям. Герардо был с втянувшимися щеками и жидкими волосами, похожими на перья, а Бокаччо напоминал сердитого рыжего кота.

- Ага, - сказал Альбериго Делла Белла, страдая от запаха гнилой соломы и немытого плебейского тела. - Пусть расскажут, что они там болтали, Пьетро. Я хочу послушать.

- Послушать? Этих?!..

Отец-настоятель вытаращил глаза.

- Ну да! - сказал Делла Белла, уже злясь на его грязную рясу, на то, что мало солнца и много вони, на две эти головы с дурной начинкой, но прежде всего - на глупую прихоть мессера Фифанти. - Должен ваш князь знать или нет, кого и за что во Флоренции хватают и сажают в подвалы?

Отцу Пьетро ничего не оставалось, как поджать губы и сделать вид, что согласен.

Князь Делла Белла брезгливо присел на топчан и столь же брезгливо уронил:

- Ну, что вы там болтали, свинячьи дети?

И после того, как в ответ некоторое время ничего не раздавалось, подозрительно покосился в сторону монаха.

- Ты что, трогал их языки, Пьетро?

Отец-настоятель фыркнул.

- Наложили в штаны, наверное.

- Сам ты наложил в штаны, - тут же бойко отозвался худосочный Герардо. - Просто я, например, не вижу смысла метать бисер перед тем, кто этого недостоин!

- Вот, пожалуйста, какие речи. Я скорблю, - с ликованием заметил монах.

- Тогда ты должен вечно молчать, болван, - язвительно ввернул в адрес сердитого Герардо рыжий Бокаччо, - потому что люди - все, все! - свиньи. Силен ты - ненавидят, а слаб - презирают.

- Ну-ну, - оживился князь, - это уже интересней.

- Что же, - сказал отец Пьетро, с чувством перекрестившись, - Спаси вас всех дева Мария, а я пошел. Не могу выносить такого надругательства.

Его ряса исчезла за дверью.

Оба оборванца посмотрели вслед, а потом упрямыми глазами уперлись в дублет из узорчатой парчи, облакающий князя, а тот поощрил их:

- Ну, ребята, признавайтесь, за что это на вас так рассердились в нашей благодравной Флоренции?

- За правду об Острове Света! - сказал тот, что худее.

- Ага, и далеко он? - заинтересовался Делла Белла. - Не возле Леванта случаем?

- Нигде этого вонючего Острова нет, и быть не может, - засмеялся рыжий.

- Молчи, злобная мартышка! - захлебнулся худосочный,

и князь так и не узнал, близко ли к Леванту находится Остров.

- Ладно, - сказал он. - Вижу, что придется вам помочь. Говори вот ты, поросенок! - и ткнул пальцами в рыжего.

- Видите ли, уважаемый мессер, этот гнусный ублюдок (ткнул в свою очередь в Герардо) отравляет души людей баснями о том, что власть и достояние можно, как булку, разре...

- Власть? - вдруг рявкнул князь, как будто его ужалило это слово. - Да ты знаешь ли, кусок грязи, что такое власть? Это значит: смотреть на людей, а видеть дукаты, корабли и пики, а за тенью событий и шуршанием слов различать людей. Это значит - терпеть и выслушивать всех и, соразмерив сказанное с небесным заветом, вершить судьбы подданных. Это милосердие и кровь; это умение быть почти что богом, забей себе это в глупую голову, чучело, и не рассуждай слишком много.

- Да я ему о том и говорю! - обрадовался рыжий. - Я и говорю: ведь мясо-то все равно должен кто-то по мискам раскладывать? (забывшись, подмигнул князю) Какое сборище идиотов, а? Заведется один вор - всех и облапошит!

- Что ж, тогда вора - судить и повесить! - презрительно усмехнулся жидковолосый Герардо.

- Ха-ха! Хорош Остров Света с виселицами! Чем он лучше богоспасаемой Флоренции?.. А потом, скажу тебе (наклонился и - брызгая слюной): кто мясо делит - тот и будет вешать.

- Это на что ты намекаешь, бездомная собака? - подозрительно спросил князь, и рыжий, подавившись, замолчал. - В священной Флоренции процветает закон. Народ сам избирает себе правителей и благоденствует.

- А-а! - с желчной задумчивостью произнес черный. -

Все эти "капитаны народа", "знаменосцы справедливости", которые творят, что хотят? Лучше бы их назвали: "капитаны грабежа" и "знаменосцы наживы"... Только на Острове Света ждет подлинная свобода.

- Ха-ха! - вновь ожил рыжий. - Свобода! Собери этих свободных, чтобы обсудить простейшую ерунду - и увидишь, как они передерутся, не договорившись. Человека надо унижить! Тогда он станет мудрее. А свобода... - рыжий сплюнул. - Свободными людишки себя чувствуют, когда им говорят, что делать.

- Нет, гнилой сморчок! Свободными люди себя чувствуют, когда не чувствуют себя беднее других.

- Бр-р-р-р! А не скучно ли будет быть такими... одинаковыми?

- А многим ли весело, когда и душа и тело оцениваются в дукатах?..

"Да они самые обычные сумасшедшие, - подумал князь, - что думают - то и болтают!"

- Как же твой vox populi - глас народа? - уже кричал рыжий. - Поперли мессера Филиппо из гонфалоньеров, а после смерти он был с почетом похоронен теми же, кто при жизни донимал его оскорблениями и клеветой!

- Это происходит тогда, когда блеск денег сводит всех с ума, и ты сам это знаешь! - отвечал черный.

"Точно - сумасшедшие!"

Князь встал с вонючего топчана, но те двое продолжали гневно перестреливаться, и вроде бы даже не заметили княжеского вставания.

- А если кто не поймет твоего рая? Силком потащишь?

- Джованни Медичи был кротким и мягким, а при нем только стало больше раздоров!..

Альбериго Делла Белла выпятил из бородки губу, но подумал, хмыкнул и убрал обратно. Квакающие в луже

лягушки недостойны княжеского гнева.

За дверью серым привидением стоял монашек.

- Ты кто?

- Причетник... Брат Паоло, - сказал тот, пугливо заикаясь. - Отец Пьетро велел... ключ чтобы...

Монашек юркнул вбок, и князь услышал за спиной стон задвигаемого засова.

Отец-настоятель гулял по двору.

- Сегодня, думаю, дьявол может идти обедать вполне довольный собой, - кротко заметил он.

- Не надо лишних вздохов, друг мой, - сказал ему князь.

- Просто два ненормальных болвана. Я так толком и не понял, о чем болтали их глупые языки... А в общем - все это я и раньше знал. Ничего такого особенного. Чего с ними маяться? Пускай ползут прочь из нашего города.

Отец Пьетро страдальчески сморщился.

- Как же отпустить их вот так - со всеми грехами?

- Какие же грехи у умалишенных, подумай сам. И болтовня их неба не трогает.

- Помню, Мария Грасси тоже отрекалась от преступлений... А потом призналась, что ела младенцев. Предпочитала печень.

- Не знаю, - сказал князь, у которого губа снова начала вылезать, а в горле засипел нехороший сквозняк, - не знаю, что они там ели, а отпустить двух этих дураков придется, Пьетро.

Альберико Делла Белла оценивающе осмотрел полузакрытые глаза монаха, сжавшийся в кривую складку рот - и забил последний гвоздь:

- И сделаешь это сегодня... что ты там шуршишь?

Он повернул к рясе ухо и расслышал:

- ...велики грехи наши...

- Велики, друг мой, и наши, и ваши... Одна надежда - на

заступника, святого Джованно... О! Смотри-ка, благородные синьоры уже помолились и ждут! Что же, хорошенькое у вас тут местечко, тихое. Но пора в суету.

- С богом, - буркнул монах.

- Аминь! - заключил князь. - И не забудь о моей просьбе. Я о ней буду помнить.

Отец Пьетро некоторое время смотрел вслед конским задам и подпрыгивающим коротким плащам, а когда обернулся, то увидел серую фигурку, протягивающую ему ключ.

- Иди со мной, Паоло.

Причетник засеменил, легко шаркая, и послушно молчал. Наконец отец Пьетро остановился, созрев для разговора.

- Скажи братьям, чтобы натаскали хвороста и дров. Сегодня должен свершиться суд над двумя отступниками.

Брат Паоло не понял.

- Двумя этими?.. - попытался он уточнить, показывая куда-то.

- Этими, этими.

- А... князь?

- Ну и уши у тебя, Паоло! А что - князь? По сравнению с вечным небом и вечной идеей...

Он сделал вид, что сдувает муху.

Как видно, отец Пьетро не был лишен философских наклонностей. Вздохнув, он посмотрел в серенькие облака.

- Вот где свобода духа, вольная игра стихий...

Он опустил взгляд с неба прямо в разинутый рот причетника и, спохватившись, усердно перекрестился, взял с груди крест и поцеловал.

- ...Аминь!

- Аминь, - отозвался причетник.

Затем, дав брату Паоло ласковую затрещину, отец-

настоятель пошел дальше, сокрушенно приговаривая:

- Ей-богу, завидую я где-то этим двум бездельникам. А тут - следи за картулярием и пожертвованиями, просматривай записи о поминовениях, организуй работы по посеву, вытряхивай из крестьян платеж с земли, заключай рыночные сделки, готовь места для погребения синьоров, и чтобы все были довольны! ругайся с мельником, меняй луг на виноградник, напоминай, чтобы проветривали утварь и книги...

РОК-МУЗЫКА

триптих

1-й птих

Ну, ща я им врублю.

Вдох.

Вдох.

Вдоххх...

...аххх!

Окна. Карты.

Окна-карты.

Долой мягкое техно и клубный транс!

Хватит виолончелями измываться над слушателями!

Голова пик вытягивается.

Город - глазастый, голый, гонит, гонит...

Наверх!

Над горизонтом!

Разряды...

Где-то гроза...

Молния... молния!

Аххх!

Ту-

Ерзает железо...

(прилило!)

Ужас! Ужас!

го-
громмм!

Резкий плёв
Лю-лю... Дамм!

Клавиши скелета
Бильярдные шары по
железному полу

Р-рамм
По сладенькому
Рррраммм
По петюкающему
Ррымм
Да! Это мы!
Си-бемоль летит длинной насмешкой,
завернулось петлёй,
упало...
Бьётся и умирает...
Это вам не “Во саду ли в огороде”!
Всандалил. Всандалил.
Всандалил.
И не пошлый гранж!
В рожу пошлую, в самодовольное мурло, по юрким
мыслишкам
(скользкень...),
по ленивым чувствам
(...кие).
Молнией звука...
А-а!
Зашевелилось. Ага!
Плюнуть...
Си-диез.
Плюнуть им!..
Не вижу,

не вижу...
Я - солнце! Я - ветер! Огрызок слова!..
Кварта.
Это моё.
Здесь, на ней, я умру...

2-й ПТИХ

Посмотрим, что там, в ящике, сегодня. Кто нам покривляется.
Ну, разукрасился, петух. Гитарку свою держит, будто обессилел. Отчего обессилел-то, петух?
Струну дернет - и страдает...
Корчится, голубчик, глаза жмурит и зубы оскалил... Вот-вот коньки отбросит... Показывает, что тяжело ему, что гибнет от творческого напряжения. А песенка-то так себе... шум один. Вот умора была бы, если б каменщик, например, кирпич возьмет - и душа навыворот, с надрывом на раствор его - хлоп: смотрите, мол, ребята, во как работаю!.. Или халдей в ресторане свои залапанные рюмашки расставлять будет с ужимками, как этот чумрик.
Это ж умаешься, какая жизнь будет.
М-да...
Хотя: когда на даче газ тянули, похожая история была, трудяги такие страдания на лице играли! А уж если подойдут воды попить - так всё будто отдышаться не могут, хотя видно их насквозь.
Театр!
И этого тоже видно.
Привычно очень страдает.
Ну, пускай.
Если положено, страдай.
Я посмотрю. Это ведь ради меня они все... так вот. Разве

не ради меня Сальвадор Дали усы отрастил гвоздями, загнул их вверх, глаза выпучил, да так и сфотографировался? И Пушкин ради меня кропал, и Булгаков говорящих котов и голых девок выдумывал. А теперь мне прежние надоело. Хочется свеженького, с перцем. Карма вечная - у-ух! Изида - у-ух! Графы всякие... Забирает!

А прежние мне хоть и нравились, но глаза пока-алывали: интеллигенты, культура, композитор Гуно, охи-вздохи... Теперь я сам с культурой и - Булгакова сюда, рядом. На полочку.

И этот - как клоун скачет...

Я приемлю. За мои денежки скачет. Я деньги плачу. Ведь кто идет в эти художники?.. в музыканты?..

Ни-щи-е идут.

А деньжищи какие потом огребают?!

Пусть изгаляется.

Только чтоб таланта не корчил. Талант - это который в гробу. А какой может быть талант, который на твоих глазах носом дергает на сцене? Нет, дудки. Талант - это как картина должен быть... на стенке висеть... Так-то, петух.

3-й ПТИХ

Видал я таких ребят, их сейчас много развелось.

И это уже было... ах, всё уже было. Все их ужимки знаю.

Устал я, хуже, чем Екклесиаст, устал искать что-то новое...

Назовем по-другому - станет новое.

Кто это у нас тут перфомирует?

Ну хоть не фирменная попса, слава богу.

Не рэйвер в кислотной майке, не гранж-апофигист немодный, не рэппер в спущенных штанах... Дешевист что ли бритый?.. Запишем: крутой музыкальный драйв

поддерживается рвуще-рычащей транссекцией и агрессивным вокалом...

М-да... Обычный старый добрый панк, замешенный на собственных извращениях. Раньше было модным слушать под водочку, как всем нам хреново жить. А теперь модно хвастаться, какой ты несчастный подонок.

Значит, запишем: выплеснул в толпу интимность жизни.

Главное - не вылезать с рассуждениями о музыкальном вкусе, это сейчас ух как не модно. А что такое, собственно, музыкальный вкус? Музыкальный вкус формирует сосед сверху...

Запишем: шершавые гитары... хор воющих голодных котов плюс усиленная ритм-секция... Нет, это уже было... А что если... м-м-м... психо... делический, вот! Запишем: выдает на-гора психоделический стеб не хуже Эдварда Ка-Спела...

Хорошо написал. Заметно.

Как условно это всё, ах, как условно!

А когда в опере певица поет, что умирает, и при этом явно заботится, чтобы чисто взять верхнее "соль", это не условности по-вашему?! И аплодируют ей не потому, что умирает, а потому что все-таки взяла "соль", чертовка!..

Но этот, конечно, не тянет...

Запишем: Построение композиции классическое: запев, припев, гитарное соло, бесконечное повторение ключевой фразы. Минималистски-примитивная гитара... Однако однообразия не возникает - все свежо, быстро, по-театральному достоверно. Музыкант твердо знает, как разогреть публику. Возникает один-единственный вопрос: а где, собственно, эволюция?

ВОЙНА

(Родилось во время
прогулок в обеденный перерыв
с Олегом Гуциным
после посещения столовой
Агентства печати Новости)

—Дяденька, а страшно на войне-то?-спросил молодой солдат Зеленый Горошек.

Полки - ать, два! - пыля, шли по дороге.

—На войне-то?-сказал капрал Молоток, поправил на плече ружье и громко сплюнул.-Да уж известное дело: с непривычки непременно не раз в штаны наложишь.

—А что страшнее, дяденька: в атаку идти или в окопе сидеть?

—Да уж известное дело,-сказал капрал Молоток,-страшнее нет, когда из пушки стреляют. А потом ядро ка-ак завоет: у-у-у!.. Летит прямо в тебя и рвет в куски.

—Зачем же в куски-то, дяденька?-испугался Зеленый Горошек.

—Да ты совсем дурак, как я погляжу. На то и война.

—А зачем война?

—Ха-ха!-сказал другой солдат, которого звали Огурец.-Ну и заковырнул! Да что с ним разговаривать - совсем зеленый он. Эх ты... Горошек!

—Цыц там!-раздув усы, закричал капрал Молоток.-Идти в ногу! Ружье держать по ар-ти-ку-лу!

Барабаны били впереди и вели войско вслед за знаменами.

Ать, два!

Ать, два! - курилась разбитая в пыль дорога. Мимо низких хлебов, зеленых кустов, бархатных маргариток - ать, два! Жара - не сдует ветру.

—А что, дяденька, каков вражий король? Силы у него много?

—Кто ж знает... Важный, как все короли. Короли, они знаешь - ого! А ты не опасаясь ли за штаны? Положи в ранец новые.

—Га-га!-снова влез Огурец.-Положи...

—Сам положи,-с достоинством ответил Зеленый Горошек.-Мне новые ни к чему. Я ужас храбр.

—Ишь ты,-сказал капрал Молоток.-Рассуждаешь знатно. Совсем как я - да! - в нежные годы. Помню: в первом бою - вот послушать бы вам всем не мешало! - так я...

—Генерал едет! Генерал...-передалось по колонне.

—А ну, подтяни-ись!-закричал капрал Молоток.-Гляди орлом, с весельем. Ать-два! Э-эх!

Над штыками скакали три майорских султана и один генеральский - белый.

—Это его превосходительство, Федельбобель, генерал. Подтянись, ах-ах, ироды!

Показалась караковая лошадь, за ней - гнедая, пегая и, наконец, чубарая - генералова.

У генерала Федельбобеля серебряные ордена, сабля до стремян и голос, как у мортиры:

—Здорово, молодцы-удальцы!

—Здра-ва-ва-ва-ва-ва!..

Генерал осадил так, что чубарая съехала задними ногами с дороги в канаву.

—Орлы-богатыри!-снова крикнул он, и ордена закачались: трын-брын!-Презреннейший неприятель, плюгавый королишко Марлюс приблизился и ожидает уже за холмом. Наступил славный час. За нашего короля Карлуса - ура! Неужто не зададим королишке Марлюсу перцу, орлы-богатыри?

—Зададим!-закричали, надуваясь, майоры, за ними, пыжась, капралы и тысяча солдатских горл.

Генеральская лошадь смотрела глазом, капала с черной губы в пупырях и пряла ухом. И генерал Федельбобель смотрел, строгий. Махнув шляпой, он тронул чубарую шпорами и подъехал к строю.

—Как эвут?-крикнул он, указывая прямо на капрала.

—Капрал Молоток!

—Молодец,-сказал генерал.-Орел-богатырь!-и поскакал.

—Ур-ра!-закричал вслед капрал Молоток и с ним солдаты. Потом все двинулись дальше и еще долго с уважением говорили:

—Ишь ты, генерал...

Капрал Молоток шел гордый, что его заметили.

—Так вот, значит, в молодые-то годы,-сказал он, продолжая рассказ.-Стрельба была однажды - страсть. Я молодой был - трава зеленая. Тут ядро летит - свистит: фью-у-у! В бугор рядом ядро ударилось, а я навалил, чего надо, полные штаны... Вы погодите смеяться, еще не вся история... Навалил я в штаны - стало мне стыдно. Вижу - пруд, я и побежал к нему. Штаны нижние, белые, выстирал и на дерево повесил, чтобы сохли. Война в то время была сильная, мы одну крепость брали. Три раза брали, но взять не могли. Уже и войск наших побили - смотреть было страшно: как кегли солдаты лежали. Бомбы рвались - шаррах! Вдруг перестал неприятель стрелять - это он мои нижние белые штаны увидел, на ветке поднятые, и решил, что мы силу потеряли и капитуляцию делать идем. Тут тогдашний генерал - Фердинок - взмахнул платочком, и пошли войска на стены. Крепость и пала. Вот так я штанами армию победил. Только никто о том не догадался.

Солдаты слушали, раскрыв рты. Уж очень понравился им рассказ. Даже не болтал никто, все думали: как же так – исподними штанами грозного неприятеля победить!

Капрал подумал и добавил:

—А потом из-за этой крепости всю войну выиграла.

Все совсем уважали капрала, а Зеленый Горошек – тот вконец оробел. Но все-таки набрался храбрости и снова спросил:

—Так зачем же война, дяденька?

Капрал Молоток после рассказа стал добрый, и на этот раз "цыц" не кричал.

—Ну, ты даешь!-сказал он и все захохотали.

Однако Молоток повел строгим глазом – солдаты замолчали.

—Ты вот мне скажи, если вы с Огурцом друг на друга обидитесь, вы что делаете?

—Ну, побью я его!-храбро сказал Зеленый Горошек.

—Так уж и побьешь?-обиделся солдат Огурец.

—Вот и короли,-сказал капрал Молоток,-как друг на друга обидятся – так тотчас воевать. А кулаки у них – мы: солдаты да прочая армия. Тут уж нам держись – в драке кулаки не щадят. Так что, шагай, а патрон за щекой держи.

—За что же нынче короли обиделись?

Капрал Молоток подумал.

—Мало ли за что... Может, "величество" где в бумагах не прописали, а может, столб рубежный повалился.

—Ну и что?

—Как что? Обидно!

—Так ведь столб новый поставить можно, дяденька.

—Столб-то? Можно... Но не только в столбе тут дело.

—А в чем же?

Капрал Молоток поглядел на Зеленого Горошка и вздохнул: навязался ты, балбес, на мою голову.

—Каждому королю славы хочется - в исторические списки попасть. Потом люди скажут: это король такой-то, он такую-то землю воевал... А ты рот-то не разевай!-прикрикнул капрал.-Ногу держи, но-гу!

Молодой солдат Зеленый Горошек перехватил удобнее тяжелое ружье и стал следить ногу. Ать-два! Змея-колонна впереди стала заворачивать за холм. Скрылась уже вся голова со знаменами. Знатное войско - вон сколько пыли от него над дорогой!

Зеленый Горошек чихнул.

—Что - тяжело?-спросил солдат Нос.

—Немножко,-ответил Зеленый Горошек.-Больно много шагаем,

—Сколько нужно - столько и шагаем,-сказал капрал Молоток.-Ре... конг... ноги... сцы... ровка и дипс... спспо... зицыя - на войне без них нельзя. Неприятеля ищем.

—Надоело шагать, дяденька.

—Ничего, уж дошли. Генерал говорил: как за холм зайдем - быть баталии.

—Отчего ж нельзя поменьше ходить: место назначить да день какой?-спросил Зеленый Горошек.-Которую неделю неприятеля ищем...

—А это оттого, что каждый король хочет свой ум показать,-сказал капрал.-Прямо-то каждый дурак ходить может. А тут - кто хитрее ходит да дальше войско заведет - тот и полководец искуснее. Это, брат, война!

—А чей король умнее - наш или вражий?

Зеленый Горошек не успел договорить, как на него зашикали: ну и дурак же молодой, а ну - как кто услышит?

Капрал Молоток быстро оглянулся на все стороны, крикнул громко:

—Наш король самый умный!

—Это верно - наш король голова-а!-крикнули из задних

рядов.

—А что, дяденька...-опять заговорил Зеленый Горошек, совсем красный (обидно ведь "дурака" слышать), но капрал задвигал глазами, сказал грозно:

—Солдат Зеленый Горошек, много болтаешь! Ать-два! Войско - ать-два! - вышло за холм и увидело неприятеля. Неприятель всей силой стоял на лугу напротив под знаменами. Презренный королишко Марлюс разбил на бугре палатку, стоял у барабана и глядел, щурясь, в подзорную трубу. Вокруг и сзади стояли генералы, все в звездах, как рождественская ночь.

—Смотри-ка, глядит!-сказал солдат Нос.

—Сто-о-о-о-ой!-прокатилось по войску.

И тотчас вокруг, как мыши в соломе, забежали адъютанты и фельдъегеря, разнося пакеты с приказами. Известное дело: какая без приказов война!

Офицеры, получив приказы, ломали крошащийся сургуч, читали, водя бровями, и кричали:

—Станови-ись!

Солдаты делали артикулы ружьем, офицеры - артикулы крепкими тиковыми тростями направо и налево по спинам. Не раз взлетело замечательное слово "ранжир". Курьеры и адъютанты продолжали носиться, и было странно, как это они не сталкиваются лбами.

—Что это мы сейчас делаем, дяденька?-спросил Зеленый Горошек.-Зачем офицеры тростями дерутся?

—Мы сейчас к атаке готовимся,-объяснил Молоток.- Вот построимся, рожок заиграет - и побежим. Страшно?

—Не знаю... Красиво,-сказал Зеленый Горошек.- Штыков-то... И король наш на холме...

На холме уже поставили походную палатку, и стоял там король Карлус с генералами. Полоскалось знамя. У генералов короля Карлуса звезд было не меньше, чем у

марлюсовых, а если у кого-нибудь и было меньше - то у того было зато четыре подбородка.

Между тем войска произвели суматоху, рассредоточились, где надо, и, где надо, сосредоточились.

Король Карлус посмотрел сквозь трубу вниз и увидел ряды штыков, пересчитанные солнцем. В первом ряду там стояли капрал Молоток, молодой солдат Зеленый Горошек, солдаты Нос, Огурец, Пшено и другие их товарищи.

У молодого солдата Зеленого Горошка колотилось сердце. Он глядел, как напротив стояли вражеские солдаты со штыками - все в лиловых мундирах. Там вдоль строя тоже бегал офицер в молочном, кричал, а потом стукнул кого-то палкой.

"Совсем как у нас",-подумал Зеленый Горошек.

Потом он вдруг задумался и спросил:

—Дяденька, а если я кого-нибудь из них убью?

Солдат Пшено рядом засмеялся - прямо заржал, словно лошадь.

—Видишь,-сказал капрал Молоток,-солдат Пшено над тобой ржет, хотя и не положено ржать в строю. Ты не ржи, солдат Пшено... А ты, Зеленый Горошек, отвечай: если ты у себя в деревне человека убьешь, что тебе будет?

—Суд да расправа.

—А здесь - война. Если ты в баталии врага убьешь - тебе честь, а если сто врагов - то и в историю попасть можешь.

—А еще лучше - тыщу,-густо сказали сзади,-Раз-раз штыком...

—А если меня - штыком?

—А ты, Зеленый Горошек, не зевай.

Зеленому Горошку стало грустно. Так красиво было все - солнце светило, играли мундиры, качались одуваны в

траве и хлопали флаги. Очень обидно, что надо кого-то колоть и не зевать. А то еще проткнут штыком - и будешь лежать среди всей красоты с дыркой в пузе.

—Что это ты?-сказал солдат Нос.-Поскучнел как-то... Скис?

—Не знаю...-сказал Зеленый Горошек.-Сначала совсем не боялся, а теперь невесело мне что-то. Грустно.

—Это бывает,-крикнул солдат Огурец.-Штаны подтяни, ха-ха!

—Что?-спросил Пшено.-Воевать не хочется?

—Да вот...-вздыхнул Зеленый Горошек.-Не очень...

—Мало ли что не хочется,-сказали сзади.-Не хотелось медведю на рогатину, да пришлось. Вокруг на десять шагов все прыснули.

—А если я, скажем, не захочу воевать?-спросил Зеленый Горошек.

—Ну?-сказал капрал Молоток.

—Что тогда?

—Арестуют тебя. Закуют в цепи...

—Кто?

—Другие солдаты.

—Какие? Пшено, ты меня закуешь в цепи?

Пшено сплюнул, отвел глаза в сторону.

—Ты это... Чего ты болтаешь? Ты чего - сонных ягод объелся?

—А если другие солдаты тоже не захотят?-спросил Зеленый Горошек.

—Их тоже арестуют.

—А если все не захотят?

—Всех арестуют.

—Кто?

—Опять ты много болтаешь!-сказал капрал сердито.- Стой и молчи, а то позову офицера - стукнет он тебя

палкой.

Тут запели рожки, все капралы закричали:

—Ружье держи ровне-ей!

Вдоль шеренги кто-то ехал на лошади. Когда подъехал, увидели: снова генерал, но уже другой - Барбаринус. Он хлопал ногами по лошадиным бокам и кричал:

—Не посрашим!.. Не попустим!.. Урра!..

Ударили горохом барабаны, заскрипели рожки.

—Вперед!-прокатилось по рядам.

—Ну, побежали, пронеси нелегкая!-плюнул через левое плечо капрал Молоток.

"Какая нелегкая?"-хотел спросить Зеленый Горошек, но ружья уже опустились и все побежали.

—За нашего короля Карлуса!-закричали несколько голосов сразу.

—...за Карлуса!!-подхватили вокруг. Бах-бах!-бухали сапоги по полю, тряслись ранцы за спиной - и падали сбитые ромашки.

Видя такое дело, вражеское войско заволновалось. Перед строем там выскочил свой генерал, тоже быстро прокричал воинственные слова ("...не попустим!.."- донеслось оттуда), и марлюсовы солдаты побежали навстречу капралу Молотку, Зеленому Горошку, Носу, Пшену, Огурцу и прочим, вопя во всю глотку:

—Слава королю Марлюсу!!!

Оба короля меж тем стояли на холмах и со злорадством глядели в трубу друг на друга. Генералы, наклонясь, шептали им по очереди план баталии и восхищались их военным гением, а короли кивали, потому что и сами знали, что очень умны.

"Бух-бух!..-неслось по полю.-Слава!.. Не посрашим!.."

Зеленому Горошку было трудно бежать - очень

тяжелые попались сапоги, ранец и ружье - да еще громко кричать. Хорошо, что бежать осталось недолго. Уже позади осталось пол-луга со сбитыми ромашками и задавленными сверчками, не ожидавшими нашествия стольких сапог сразу. А впереди набегали марлюсовы солдаты, и опасно ходили у них в руках длинные ружья со штыками.

На Зеленого Горошка наскочил совсем молодой рыжий солдат - тоже, наверное, "Зеленым Горошком" прозвали его у него в полку, хотя, может быть, и "Рыжим Горошком" или просто - "Морковкой".

Наш Зеленый Горошек услышал, как вокруг кое-где уже зазвякало, зазвенело железо, и тоже ткнул в рыжего ружьем, но тот отскочил и закричал:

—Ты чего?

—А чего?-удивился Зеленый Горошек,

—Чего тыкаешь-то?

Зеленый Горошек подумал, вытер нос, сказал:

—Надо...- и покраснел.

—Надо-то надо,-сердито сказал рыжий,-а голова у тебя есть? Он попробовал штык пальцем.-Этой штукой знаешь как пырнуть можно? До кишок!

—А чего?..

—Чего да чего! Вот как дам тебе в ухо - будешь знать, "чего"!

—Ну, это мы еще посмотрим, кто кому в ухо даст!-тоже рассердился Зеленый Горошек,

—Да что вы, ребята, так уж сразу - в ухо!-загалдели солдаты вокруг; они перестали лязгать штыками и обступили Зеленого Горошка с рыжим.-Чего уж вы так! Эка вы...

Другим солдатам тоже стало интересно: кто кому в ухо даст? Война стремительно останавливалась. Войска

короля Карлуса и войска короля Марлюса смешались в одну большую разноцветную толпу, а в середине этой толпы Зеленый Горошек засучивал рукава и кричал:

—Ишь ты, какой сердитый! Вот я тебе, рыжему!

Короли на холмах забеспокоились: где же славное кровопролитие? Они наставили трубы на место битвы, но увидели всего несколько пар пропоротых штанов. Какая же это битва, когда урону с обеих сторон - всего несколько штанов успели пропороть? Конфуз для истории!

—Да что вы, ребята!-говорили между тем солдаты.- Пошумели и хватит. Вы уж кончайте это дело.

—Что ли кончим?-спросил нерешительно Зеленый Горошек у своего противника.-Тебя как зовут?

—Соленый Рыжик.

—А меня - Зеленый Горошек.

Они ударили по рукам

—Вот это другое дело,-сказали все солдаты, очень довольные.-Так-то давно бы...

Все стали расходиться, беседуя о том и о сем, а капрал Молоток хлопнул Зеленого Горошка по плечу:

—Ну, ты горяч! То-то, рыжий, знай наших!.. А ружье твое где?

—Да вот оно,-сказал Зеленый Горошек и поднял ружье.

А среди солдат бегал уже невесть откуда взявшийся старичок с ласковыми глазами и приговаривал:

—Господа солдаты... господа солдаты... идемте все на Грушевую поляну!

—А чего на поляне-то?-грубыми голосами спрашивали солдаты.

—А чаек. Добрый грушевый чаек. Стаканчик - всего грошик.

Войско повалило на Грушевую поляну. О, ужас! Король

Карлус затопал ногами и закричал:

—Догнать! Вернуть! Доннерветер!

—Слушаюсь, ваше величество!-сказал толстый генерал Распузо. Он подхватил саблю и побежал вниз с холма - шлеп, шлеп - а король смотрел в трубу. Пыхтя, генерал Распузо догнал всех на самом краю поля.

—Сто-ой!

Он схватил за полу одного солдата, который шел в обнимку с чужим, марлюсовым.

—Ты куда? Коли его!

—Да ты чего?-сказал солдат недовольно.-Ты не приставай. У нас ведь как заведено: если с хорошим человеком познакомился, то надо с ним непременно грушевого чаю выпить.

В это время двое других бывалых солдат шли рядом, разговаривая:

—Моя баба очень здорово из яблок варенье варит...

—А моя - из земляники. Сначала - намнет ее рукой... Генерал выпустил полу и прислушался. Он очень любил варенье и пироги с чаем.

—Зачем же рукой?-спросил он.

—А для соку,-ответил солдат.-Сперва намять, да на сахаре настоять -объядение...

Король Карлус смотрел за всем этим в трубу. Про варенье он, конечно, не слышал, но увидел, что армия не возвращается. Карлус снова навел трубу на презренного Марлюса. Там развевались знамена, блестели звезда и шпоры. Война продолжалась.

Тогда оба короля повернулись к генералам.

—Ну что ж, господа генералы,-сказал Карлус,-делать нечего - придется вам в атаку идти.

И король Марлюс сказал примерно то же самое.

Генералы недовольно переглянулись, но - делать и

впрямь нечего! С королем не поспоришь.

—Слушаемся!-сказали они и всей компанией рысцой побежали с холма, звеня орденами.

Ох, не генеральское это дело - бегать. Добежав друг до друга, генералы обеих армий совсем утомились и остановились - отдышаться. Когда они стали пыхтеть тише, с той стороны, где была Грушевая поляна, слышался шум - вроде музыку играли, вроде пели там песни...

Генералы потянули носами.

—Гуляют...-нерешительно сказал один.

—Закусывают!-вздыхнул другой. Третий генерал закрутил табачным пальцем ус.

—Надобно пойти проследить - как бы не было какого беспорядку. Чтобы все было по аррртикулу!

Он крякнул, напустил брови на глаза и двинулся к кустам. Прочие генералы сразу забеспокоились.

—Как бы он нас не объел,-сказали они между собой - и все побежали следом - и карлусовы, и марлюсовы. Уж больно хорошо они знали свою генеральскую натуру и свойства генеральского брюха.

На Грушевой поляне кипело веселье. Стояли тут столы, накрытые длинными лоскутными скатертями; на столах пилили груди кружки и кувшины из лучшей речной глины, пыхтели самовары, а сзади пыжились неохватные бедра бочек. Была здесь, конечно, и закуска, но она вела себя скромнее: лежала себе на брюхе – крендели, колбаса, селедка и другая селедка - копченая. Давешний старикашка наливал каждому солдату чаю, а кто захочет – тому и винца и говорил:

—А вот, уважаемый господин солдат, если желаете - извольте ружьишко сюда положить... Зачем оно вам? И ранец ваш позвольте... Ведь, небось, тяжело с ними-то?

—Уж небось - тяжело,-строго говорили солдаты.- Известное ведь дело - война! Это тебе не в лавке сидеть... с прохладцей!

—Ужасно вы хорошие ребята. Пейте, угощайтесь!

—Ишь ты... Да ну уж...-говорили солдаты, смущаясь, и торопились скорее приложиться к кружке.

Если к столу подходили офицеры, то они снимали широкие сабли, бросали тяжелые пистолы - чтобы не мешали сидеть на траве среди цветов. Одну такую саблю (вроде – капитанскую) грушевый дед подобрал и рубил ею домашнюю колбасу с чесноком.

Кругом уже гудели разговоры - о том, о сем.

—А вот что,-говорил один солдат в салатном мундире доблестной армии короля Карлуса.-Хочу я, к примеру, знать, какой ты больше суп уважаешь: с луком или с грибами?

Другой солдат - лиловый, марлюсов, - отвечал:

—С грибами.

—А лапшу?

—С грибами.

—Что же это вы у Марлюса своего: все так с грибами и едите?

—А мы такие!

На другой стороне поляны разговоры шли другие;

—А твоя Маргаритка какой толщины?

—А вот такой!

—Ну, моя не в пример твоей толще.

Майоры и капитаны говорили о вещах более серьезных: о достоинствах лошадей, о печеной форели и о том, что смоляные баки не в пример краше рыжих усов. А в кустах два молоденьких лейтенанта, ужасно стесняясь, с завыванием читали друг другу стихи.

Генералы вышли из кустов и остановились.

—Вот они где. Все тут!-сказал первый генерал.

—Ага,-подтвердили другие, оглядывая поляну. Генералы важно затоптались, не зная, что делать, но старичок, увидя их, уже кричал от столов:

—Сюда! Сюда пожалуйте, уважаемые господа генералы! Угощайтесь!

—А что, разве подойти?-заговорили генералы, волнуясь. Они подошли, держа животы на весу.

—Эй, ты, с бородой... чего у тебя там для генералов есть?

—Как для всех,-бойко сказал старичок,-Грушевый чай. Стаканчик грошик.

—Ах, как для всех!-сказали генералы и переглянулись. Они снова замаялись, но старичок уж очень ловко разливал по кружкам, и генералы сдались:

—Ну, уж ладно, наливай... что там у тебя еще?

—Крендели, колбаса с селедкой, домашнее винцо.

—Ну, давай домашнего... с селедкой.

Генералы взяли по кружке и сели в сторонку на бугор, ворча:

—Разве это для генералов вино? Дрожжами отдает, фу! Вот на прошлой войне разбили у противника лавку - так пили ананасное!.. А это - разве вино? Деревенское какое-то...

Генералы раздвинули усы и выпили. Потом они стали грызть селедку, сплевывая кости и приговаривая:

—Какая костлявая селедка!

Хруст стоял на всей поляне.

—Ишь, как все хрустит на генераловых-то зубах!-заметили солдаты, что сидели поближе.-Дай им бог здоровья!

Однако, хруст делался все сильнее, пока не стало понятно, что это всюду трещат бузиновые кусты - и из них

выломился совсем молодой солдатик с белыми от страха глазами,

—Братцы!-закричал он - и сробел.

Все обернулись к нему и многие кружки не дошли в этот момент до ртов. Потом один старый ветеран сказал:

—Что глаза-то выпучил? Медведя увидал?

Солдатик хлопал ресницами, пока не выдавил:

—Там, на лугу... короли наши подрались. Бьются - страсть!

—Что ж ты, дурак, сразу не сказал!-загалдели разом солдаты.-Ихние величества друг другу зубы считают, а ты, балбес сопливый и всякий другой, слова не вымолвишь путного!

Офицеры же и генералы так удивились, что не сказали ничего, только слушали и смотрели.

—А какой король какого бьет?-спросил кто-то.

—Да я не заметил,-говорил солдатик.-Я тут же ка-ак побегу оттуда!..

—Непорядок!-снова загалдели солдаты.-Как же можно допустить, чтобы такие важные особы - наши короли - будто мужики в базарный день, на кулаках бились! Что же это? Нельзя такого допустить!..

Крику на поляне становилось все больше, некоторые уже вскочили и махали руками, и наконец все побежали обратно.

Их величества доблестный король Карлус и славный король Марлюс катались по кочкам, и король Карлус тянулся кусить Марлюса за ухо, а тот старался пальцем попасть Карлусу в глаз. Солдаты вместе с капитанами, лейтенантами и майорами высыпали из лесу, а сзади генералы растрясали в животах кренделя с селедкой.

—Вот они!-закричал солдатик, что принес известие, и спрятался за чужие спины.-Ох и страшно!

Оба войска в полном составе приблизились и окружили своих королей. Однако, Карлус и Марлюс не обратили на это внимания и продолжали кататься по земле, бесстыдно показывая измазанные королевские мундиры. Они сопели, пыхтели, чихали, стонали и рычали. Солдаты выпучили глаза - такое их пробрало удивление, ведь раньше никто никогда ничего, кроме самых громких и важных слов от королей не слышал. Некоторое время вся армия стояла и смотрела, а потом, набравшись храбрости, которой, как известно, солдатам не занимать, некоторые стали звать:

—Ваше величество король Карлус!.. Ваше величество король Марлюс!..

Короли и тут не ответили, и даже показалось - еще сильней завозились.

—А ну, как убьются?-высказал предположение кто-то из глубины.

—Поднять бы надо!-сказал другой голос.

—Пустите посмотреть!-кричали сзади генералы.

Тогда в круг вышел солдат, наклонился и с опаской похлопал одного короля - Марлюса - по плечу в эполете. Славный Марлюс выкатил глаза, словно собирался ими выпалить в дерзкого нахала, и крикнул грозно, как знавали раньше:

—К-кто посмел?? В ссылку! За заборы! П-по законам военного времени!

И доблестный король Карлус, ворочаясь под ним, тоже просипел:

—Н-не смей! Здесь п-происходят военные действия!

При таких словах храбрый солдат сразу убежал обратно в гущу, испуганно смотрел по сторонам и плаксиво говорил:

—Что же это? Как же? Отчего же в ссылку, за заборы?

—Да уж так вот, брат, бывает!-отвечал ему один майор.

Прочие же собравшиеся недоумевали, о какой войне толкуют короли.

—Эй, слышите, господа короли!-кричали они.-Вся война теперь на Грушевой поляне собралась! Очень просим, кончайте драться и айда на поляну!

Пока они кричали, король Карлус пересилил короля Марлюса и забрался наверх, а потом Марлюс перекатил Карлуса обратно.

Тогда в толпе вдруг раздалось:

—Эх, пропадать так уж совсем!-и из рядов вышел еще один солдат.

Он ударил об землю высокой солдатской шапкой и стал тянуть короля Марлюса за подмышки, приговаривая:

—Вставайте, ваше величество, какой вы упрямый!.. Все общество вас просит: все господа майоры, капитаны, лейтенанты и доблестные господа генералы...

Король был тяжелый, и солдат крякнул. Тогда выскочили три других солдата - на подмогу. Подбежали и прочие - потянули с другой стороны Карлуса. В общем, поднялась большая кутерьма, в конце которой оба короля были поставлены, как надлежит: книзу ногами, кверху головами.

—Виктория!-закричал Карлус, как только почувствовал землю под сапогами со шпорами.-Я победил! Запишите в истории, что я раздавил этого презренного королишку Марлюса, проткнул его шпагой, растоптал и отнял все королевские знамена!

—Как бы не так!-ерошился Марлюс.-В историю он собрался с расквашенным носом! Ха-ха! Это я — победитель! Моя виктория!

—Да будет вам, мудрые величества!-уговаривали их

солдаты.-Бросьте горланить. На что тебе, Карлус, этот Марлюс понадобился с его викторией? И ты, Марлюс, плюнь на Карлуса! Вон мундирчики-то уж как измялись - ах, жа-алость! Ну, ничего, на поляне отдохнете, вина домашнего попьете...

—Какое еще домашнее вино?-сердито, с сомнением спрашивали Карлус и Марлюс,-Мы такого что-то не знаем. Мы больше тонкие вина пьем: кинарею, малмазею, романею... А это что за вино?

—Отменное, ваши величества!-уговаривали солдаты.-Просто пальчики ваши высочайшие оближете. Гораздо знатней против кина... зеи и мал... мареи вашей.

—Что ж...-сказали было короли, но спохватились:-А как же история?

—Да потом решим!-тянули их уже за рукава со всех сторон.-Там, на поляне, любое дело обтяпаем в минуту. Идемте скорей, а то как бы старикашка не пропал.

—Ну, ладно,-в конце концов согласились Карлус и Марлюс, хотя ноги их уже сами сдвинулись и зашагали в нужном направлении.-Но как с историей быть - все равно решим!

—Непременно!-кричали вокруг,-И с историей, и с этой, как ее... ну... с фисгармонией!

Солнце уже садилось, не изводило огненной силой, и глаз его был усталый, красный. Дневные сверчки умолкли, уснули, но вместо них проснулись другие – ночные - и трещали в траве ничуть не хуже дневных. В лесу, однако, стояла тишина, плавали густые тени, и королей пришлось взять под руки, вести с осторожностью и предупреждать:

—Корень сосновый, ваши величества: извольте переступить... А теперь пригнуться извольте: дуб ветку пустил...

К удовольствию всего славного войска, старик с

поляны не ушел, стоял себе у бочек. Королей усадили, дали им по кружке - и течение веселья продолжалось, как если бы оно не прерывалось вовсе.

Зажегся закат. Сосны вокруг стали красные, а дубы и прочие осины - серые и черные. В чаще провозгласила лесная птица-филин. Она сидела неподалеку на суку, щурила два зеленых огня и пугала тех, кто отлучался за кусты.

—Холодно что-то стало,-сказал Зеленый Горошек.-И солнце как быстро свалилось...

—Дело известное,-подтвердил капрал Молоток.-Как кувырнулось с неба - так уж не остановишь.

Капрал Молоток и Зеленый Горошек со своими товарищами сидели кругом на ранцах, рассказывали всякие истории.

—И впрямь холодно,-сказал солдат Пшено.-Сбегал бы кто-нибудь за чаем. Вот ты, Нос, например.

Нос поднялся и побрел.

—Ну и темнота!-сказал капрал Молоток,-Ничего не видно! Что солдат, что майор какой - все одно... Так и ошибиться можно: конопатому солдатишке козырнуть. А ведь я - капрал!

—Как нет майоров?-испугался Нос,-Никак без них нельзя, как же артикулы учить?

—Ох, что будет!-забеспокоились и остальные.-Пропадет все! Где же наши майоры, лейтенанты и капитаны в сапогах мягких?..

Зеленый Горошек, Нос, Пшено, капрал и другие, стали в волнении оглядываться, Много народу сидело вокруг, но в темноте не разобрать было: простой ли солдат или кто поважнее. Все окончательно опечалились, но тут Зеленый Горошек случайно посмотрел наверх и сказал;

—Да вот же они!...

—И вправду!.. Вот!.. Нашлись!..-радостно закричали солдаты. Они задрали головы и увидели, что все офицеры очутились на небе и превратились в созвездия. Здесь были созвездия-капитаны, и созвездия-майоры, и даже созвездия-генералы, у которых звезд было больше всех и сверкали они ярче.

—Ну, все в порядке...-говорил, зевая, Зеленый Горошек, капралу Молотку, который уже храпел и хлебал сны с громким захлебом,-А я-то было перепугался... Разве можно на войне без майоров? Теперь бы только узнать, где наши славные короли, их величества...

Однако, что случилось с королями, никто, по причине ночной поры, так и не узнал. Говорили, что видели их бредущими в обнимку и поющими старую солдатскую песню:

У девочек из нашей деревни
Алые губки,
Кого поцелуют –
Того околдуют.
Бом, бом, бом!..

Только вряд ли такое может быть. Ведь где это видано, чтобы два грозных короля вдруг шли в обнимку, да еще горланили старую солдатскую песню?

КОНЕЦ

*Прочитали? Понравилось?
Посоветуйте друзьям и знакомым.*